

июль 7/88

СРОВОЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА.

ISSN 0131-5994





«Адатс» (на снимке: г-н Функ демонстрирует модель танка). «Эрликон-Бюрле» получила субсидию в 750 миллионов долларов, и теперь у натовских генералов есть все основания полагаться на традиционную швейцарскую исполнительность.

ПАРИЖ. Созданный в 1984 году французский хит-парад «Топ-50», который, как предполагалось, должен способствовать выявлению молодых талантливых исполнителей, на самом деле является серьезным препятствием на пути творческой молодежи. Жерар Мейс, продюсер таких известных певцов, как Жан Ферра и Изабель Обре, заявил: «Чтобы попасть в хит-парад, певец должен обязательно представлять одну из фирм грамзаписи. Следовательно, независимые певцы или дебютанты автоматически исключаются из конкурса. К тому же в «Топ-50» попадают песни, вышедшие только на «миньонах», то есть, как этого требует жанр, шлягеры, откровенно коммерческая музыка. А владельцы магазинов грампластинок предпочитают торговать записями исполнителей, чьи имена уже известны по хит-парадам. Создается замкнутый круг, поэтому легко понять, отчего сегодня все чаще говорят о кризисе французской песни».

БУДАПЕШТ. В октябре этого года здесь пройдет четвертая Всемирная профсоюзная конференция по проблемам трудящейся молодежи. В феврале в Праге состоялась встреча подготовительного комитета, во время которой были внесены предложения и поправки к Хартии молодых рабочих мира, принятой в 1977 году.

Вот краткое содержание этого документа после доработки:

«Молодые рабочие имеют право на:

1. Чувство собственного достоинства и мир.
2. Работу, совершенствование трудовых навыков и справедливую оплату своего труда.
3. Гарантированный заработок.
4. Полный рабочий день.
5. Соблюдение норм охраны труда, здоровья и безопасности, а также социальное обеспечение.
6. Образование и выбор профессии.
7. Соблюдение прав безработных.
8. Доступ к культуре и спорту, досуг.
9. Жилище и его обеспечение.
10. Участие в деятельности профсоюзов.
11. Полноценное участие в строительстве прогрессивного общества».

Далее следует обращение ко всем профсоюзным организациям нашей планеты: «Эту Хартию необходимо довести до сведения всех профсоюзных лидеров и рассматривать ее пункты как имеющие первостепенное значение, поскольку они касаются не только будущего самой молодежи, но и будущего всего нашего общества».

БОНН. Западногерманская фирма «Хасенкопф» вместо обычной сорокачасовой рабочей недели ввела на своих предприятиях подвижное рабочее время. Каждый сотрудник фирмы дол-

в воздухе Рима привели в ужас даже невозможных правительственных чиновников: оказалось, что норма, установленная санитарной инспекцией Италии, «перекрыта» почти в десять раз.

Римский муниципалитет принимает сейчас самые решительные меры, чтобы улучшить положение: значительная часть центра города объявлена пешеходной зоной, куда въезд автомобилей категорически запрещен. Несмотря на существенные неудобства, вызванные этой мерой, римляне поддерживают начинание муниципалитета.

АФИНЫ. Аналогичная проблема беспокоит и Грецию, но реакция горожан на усилия администрации снизить уровень загрязнения воздуха весьма отличается от реакции римлян — возможно, афинские власти решают проблему не самым лучшим способом. Например, въезд частных машин в центр ограничен, но следующим образом: по четным дням разрешен проезд автомобилей с четными номерами, по нечетным — с нечетными. Это же ограничение касается и такси, что больно ударило по карману их владельцев. К тому же, если римские власти выделили почти полмиллиарда долларов на разработку нетоксичных двигателей для наземного транспорта, то их афинские коллеги уповают лишь на запретительные меры, рассчитывая, по словам мэра Афин, на «немедленные результаты».

ЦЮРИХ. В последнее время дела швейцарской военной фирмы «Эрликон-Бюрле» шли неважно: большинство выгодных заказов перехватывали конкуренты, престиж фирмы падал, в поисках более перспективной работы стали разбредаться служащие. И руководство «Эрликон-Бюрле» решило сменить менеджера, место которого занял Михаэль Функ.

Новый администратор развернул бурную деятельность, и в острейшей конкурентной борьбе фирма выиграла конкурс НАТО на право серийного производства нового танка, оснащенного системой противоракетной обороны

НЬЮ-ЙОРК. В США неуклонно растет интерес к Советскому Союзу. В течение недели по американскому телевидению демонстрировалась программа «Россия: жизнь изнутри» — ей была присуждена премия академии программ кабельного телевидения. «Нас буквально завалили письмами, — рассказывает президент телекомпании «Дискавери», осуществлявшей проект. — Многие зрители благодарили за то, что им показали те же самые передачи, что и советским людям. Особенный интерес вызвали телевизионные новости».

Большой интерес вызвал видеофильм, снятый американскими школьниками, членами организации «Дети — будущее», во время посещения СССР, — своеобразный видеодневник о посещении советских школ, встречах американских и советских подростков. «Сначала я думал, они заинтересованы в том, чтобы нас обидеть, — комментирует негритянский школьник из Броктона, штат Массачусетс, Джеффри Мейнард, — но едва мы стали общаться, я увидел: они такие же, как мы, они тоже за мир». Четырнадцатилетняя Энн Куинни суммирует впечатления от поездки: «Я считаю, каждый американец должен побывать в Советском Союзе, испытать то, что мы испытали. Мы доказали себе и всему миру, что американские и советские дети могут быть друзьями».

РИМ. Городские власти итальянской столицы обеспокоены растущим уровнем загрязнения воздуха — по своей серьезности эта проблема уступает только безработице. Проведенные недавно замеры токсичных веществ



жен отработать за год 2080 часов, при этом он сам организует свой рабочий день в зависимости от количества и срока выполнения заказов, а также учитывая свои личные интересы, в том числе и отпуск. Теперь можно бывать на предприятии только четыре дня в неделю и начинать рабочий день в любое удобное время. Введение подвижного рабочего времени позволило фирме сэкономить 50 тысяч марок на выплате сверхурочных и увеличить оборот на семьдесят процентов.

ГЕССЕН. Оперативность японской промышленности по внедрению самой

передовой технологии известна всему миру. Уже не раз, начав первыми разработки новых изделий, американские и европейские фирмы оказывались в положении безнадежно отставших от своих японских конкурентов. Европа и США провели скрупулезный анализ методов, которыми пользуются японские бизнесмены, и в результате...

На снимке показана поточная линия на участке сборки компьютеров: западногерманская фирма «Канон» первой внедрила перспективный технологический метод, разработка которого в Японии только началась.

К ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ И РАЗВОРОТУ «СМОТРИТЕ» — 13 человек, одетых в красные и зеленые куртки, в марте — мае этого года прошли на лыжах по белым арктическим полям через Северный полюс к побережью Канады.

55 дней потребовалось им, чтобы дойти до полюса от Северной Земли, а еще через полтора месяца они достигли канадского мыса Колумбия.

9 советских и 4 канадских парня продемонстрировали свою выносливость и подготовку и установили свои личные и мировые рекорды. (Один из канадцев, Крис Холлоуэй, — на первой странице обложки.)

Люди добивались до Северного полюса на самолетах, ледоколе, собачьих упряжках, подводных лодках и один только раз на лыжах, но никогда раньше никто не проходил через полюс всю Арктику из Советского Союза в Канаду.

3 марта в день старта с мыса Арктический — самой северной точки архипелага Северная Земля — члены группы взвалили на спины огромные сорокакилограммовые рюкзаки. Улыбки озарили лица Анатолия Федякина и Дмитрия Шпаро (руководителя экспедиции), а Лоуди Декстер смеялся: «Наконец-то пошли. Столько ждали и готовились к этому моменту!»

Но никому из посторонних не удалось увидеть выражения их лиц, когда они шли по открытым ледяным полям, где свирепствовали сорокаградусный мороз и гнавший навстречу пургу ветер, скорость которого достигала 25 метров в секунду.

Дмитрий Шпаро мечтал об этой экспедиции почти 10 лет, а подготовка к ней заняла более двух лет. Часть из канадских кандидатов в члены экспедиции отказались идти, и окончательный состав группы определился только за день до старта. Шпаро, уже однажды достигший Северного полюса на лыжах, знал, что ждет его и его товарищей во льдах.

«Психологическая нагрузка нарастает день ото дня, — говорил Лоуди Декстер накануне старта. — Эта экспедиция будет успешной, если мы преодолеем психологическое давление, вызванное трехмесячной изоляцией от внешнего мира. Поход может закончиться неудачей, даже когда до финиша останется только 50 километров. Даже отличное снаряжение не гарантирует, что мы сможем пройти на лыжах почти 2 тысячи километров».

В дни похода две разные группы людей делали в полярных льдах одно общее дело: канадцы, приученные принимать все решения в жизни самостоятельно, и советские парни, приученные действовать коллективно. У обеих групп был свой родной язык. Но, может быть, во время этого похода был создан новый язык, общий для этих тринадцати парней, язык, который только они всегда будут понимать.

Илка ЛАМПИ,
корреспондент газеты «Ууси Суоми» (Финляндия) — для «Ровесника»

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. Нина Чугунова. БЕСПОЩАДНАЯ МОЛОДОСТЬ
10. К. Зайдлер. «МОЮ КОМАНДУ Я В ОБИДУ НЕ ДАМ»
11. Г. Скитер. «Я УЖЕ УСТАЛ МОЛЧАТЬ. МНЕ НЕОБХОДИМ КОНТАКТ»
12. В. Головин. «ЯПОНСКИЙ ФЕНОМЕН»: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, КРАХ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИФА
14. ИСПОВЕДЬ ПОЛИЦЕЙСКОГО
15. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
18. М. Фридман. «ДЕ БИРС» — АЛМАЗНАЯ ИМПЕРИЯ
21. УЧИТЕСЬ ССОРИТЬСЯ!
22. Алексей Поликовский. СЕЙЧАС ПОБЕГУТ...
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. Виктория Токарева. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В ИНДИИ
27. М. Эрвин. «САМОДЕЛЬНАЯ МУЗЫКА» ПИТА СИГЕРА
29. А. Богдан, П. Морозов. ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОК-МУЗЫКИ
30. И. Алчеев, Г. Тюрин. ВЕТЕРАН ХАРД-РОКА

Ровесник 7/88

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия:
В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ,
Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ,
С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО,
В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ,
Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ,
С. Н. ЧЕЛНОКОВ

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
А. Л. Анисимова
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва,
ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны: 285-89-20 — для справок,
285-80-62 — отдел писем.
Перепечатка материалов разрешается
только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 18.05.88. Подписано
в печ. 20.06.88. А03158. Формат
84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-
изд. л. 5,7. Тираж 2 400 000 экз.
Цена 35 коп. Заказ 111.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфическое
объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Адрес ИПО: 103030,
Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул.,
21.



СМОТРИТЕ

Сидя в вертолете, летящем к месту старта, канадские члены лыжной экспедиции молча рассматривают полярные льды. Тренировки закончены. Кристо-

фер Холлоуэй настроен оптимистически. В таком же настроении и Анатолий Федякин. Вся группа запечатлена в лучах еще слабого солнца. Выпущена

красная ракета — сигнал к отправлению. Они взваливают на плечи тяжелые рюкзаки. В путь! Открытые ледяные равнины и огромные морские польньи предстоит преодолеть этим тринадцати парням. Но они готовы принять вызов природы.

Таково было начало советско-канадского беспримерного похода.





БЕСПОЩАДНАЯ МОЛОДОСТЬ

Интервью Яцека ПЕХОТЫ, коменданта хорунги (руководителя Союза польских харцеров) Щецинского воеводства, депутата Сейма, нашему корреспонденту Нине ЧУГУНОВОЙ

Его кабинет богат: массивный стол. Кажется, ковер, стол для кофе и кресла, в которых утопаешь. Но телефон не на письменном столе, а на каком-то ящичке поодаль. Несколько телефонных звонков во время нашего разговора заставили Яцека бросаться к телефону, едва ли не роняя его. Ладно, про кабинет спрошу потом. Пока разговор начинается так:

— Хочешь, скажу, какое впечатление ты производишь, Яцек?

— Ха-ха! Конечно. Вот так начало.

— Ты похож на собственного адъютанта. Ты — «слишком молодой человек для такой должности».

— Для должности начальника харцеров?

— Знаешь, я столько видела молодежных лидеров, о которых неловко было писать, в каком году они закончили институт... И вот результат: иду к тебе с готовым первым вопросом о твоём отношении к нынешней молодежи! Теперь я откладываю в сторону мои заготовленные вопросы: они приготавливались для другого человека. А ты сам и есть нынешняя молодежь.

— Я люблю просто поговорить с человеком.

— Я тоже, но иногда меня спрашивают: у вас заготовлены ко мне вопросы? И без оглашения списка разговора не начинают.

— Старики?

— Не обязательно. Скорее те, кто, очутившись в высоком кресле, утратил ощущение собственной молодости. Не забыть бы тебя спросить о магическом влиянии кресла на человеческий характер. Но начнем с другого. Раз ты, собственно, и есть молодежь, а не смотришь на нее с высоты прожитых лет, скажи мне, что ты за человек.

— Так прямо сразу?

— Да. Что тут такого. Я, правда, кое-что о тебе знаю. Знаю, что ты популярен в народе.

— Это новость!

— Да, конечно, ты это знаешь или хотя бы стремишься к этому. Популярность и авторитет применительно к молодежной аудитории имеют примерно одно значение. Это потом мы начинаем придавать большой вес слову «авторитет», а «популярность» отправляется в артистический мир, где то и дело объявляется «дешевой», «быстротечной» и т. д. Я думаю, что тебе позарез нужна популярность, кроме авторитета.

— Согласен.

— Итак, что ты за человек?

— Задай вопрос по-другому!

— Ладно. Мы тут сидели, пили кофе с пирожными, а ты все бегал чего-то, звонил, смеялся. Ты переводчице сказал по телефону: «Привет! Скажи, ты что-нибудь еще помнишь из русского?» Ты выглядел как человек, уверенный в самом себе и в своем деле. Так ли это? Или это маска?

— Знаю, что обо мне говорят: Яцек всегда уверен в себе. Возможно, я даже поддерживаю это мнение. Но в действительности я вовсе не уверен в себе. Не всегда. Почти никогда. Мне постоянно кажется, что все я делаю не так... Два лица живут во мне. И то, которое вижу только я сам, обычно бракует все мои поступки и решения. Раз за разом собственную критику выносить все труднее, и я даже приучился в тех случаях, когда моя критика для меня невыносима, говорить себе: а все-таки работа была хорошая, все-таки кое-что получилось. Мол, ничего, ты старался.

— Один мой знакомый, студент, говорил мне, что по мере взросления в нем исчезала страсть подозревать себя в «двуличии»: один он был «внешним», очень уверенным в себе, успешным, ловким, и он же сам, другой, скрытый, был робким и нерешительным, однако беспощадно критиковал первого. Потом прошло. Он обрадовался тому, что мука кончилась. Он спрашивал себя: был ли в том смысл?

— Кто же к себе будет еще так беспощаден, как собственная молодость? Твой студент обрадовался, что «повзрослел»!..

— Кто же сказал: «Если ты не уверен в собственной правоте, продолжай на ней настаивать с такой силой, чтобы твоя, хоть и неправильная позиция, стала позицией всех»? Кто-то знаменитый.

— Есть такой сорт уверенности, питающейся унижением остальных. Но это всего лишь фикция, манера. В этом нет никакой информации: была ли победа, было ли поражение и что дальше?

— Но когда человек приблизительно знает дорогу, он может идти твердо, не исследуя своих попутных ощущений, колебаний...

— Слепо?

— Ну хорошо. Только имеет ли право лидер не отличать своего поражения от победы, постоянно, как брюзга какой-то, бракуя результаты?

— Я хорошо отличаю настоящие

поражения от настоящей победы.

— Мне нужен пример. Пожалуйста, Яцек: решительное поражение. Я бы хотела услышать о самом тяжелом. Но если не хочется о нем вспоминать, мы выберем в качестве примера что-то менее болезненное, так?

— Не так. Каждый имеет право на поражение, в этом нет ничего постыдного. Вот забывать их — стыдно. Мое самое большое поражение связано с событиями восьмидесятого года.

— Минутку! Пусть я поступаю невежливо, перебивая, но я обязана сказать сейчас. Прошлый раз я была в Польше именно в восьмидесятом году, летом, буквально за несколько дней до событий... Но ничего не было опубликовано: ничего не было ясно. Я приезжаю вновь с чувством вины и одновременно с желанием выяснить, насколько характер сегодняшнего молодого поляка определяется событиями восьмидесятого года и последовавшего военного положения. В ваших газетах пишут об апатии в связи с двойным обманом в прошлом, о двойном разочаровании: вначале разочарование в политике ПОРП, после — падение престижа «Солидарности». Но не опоздала ли я со своими вопросами?

— Нет. Ты приехала вовремя. Поговорим. Все правда, что ты сказала об апатии, это есть. Это очень серьезная вещь, которую приходится учитывать постоянно. Ты правильно сделала, что перебила меня.

— Но больше не буду. Продолжай.

— Да и после для меня не было страшнее поражения, чем то, когда я не мог добиться понимания, взаимопонимания. В 80-м я работал в Хуфеце Хуфец — районная организация, входящая в состав хорунги — областной (воеводской) организации. — Прим. Н. Ч.) инструктором. Мы непрерывно дискутировали, все бились над тем, какой должна быть Польша. Также нас крайне занимал вопрос о молодежной организации: как она должна выглядеть, как и кем быть руководимой. Я дискутировал часто, обычно с ровесниками. Я был убежден, что надо всем совместно думать. Но тогда ценились не аргументы, а лишь эмоции. Эмоции и страсть в выражении их: очевидный накал страстей и эмоций. Это было время тотального разрушения...

— Не слишком ли сильно сказано?

— Так было на самом деле. И мое поражение заключалось в том, что я так и не сумел сделать свою позицию



понятной, пусть не для всех приемлемой. Но меня отвергли тогда все!..

— Какой была твоя позиция тогда?

— Я был ославлен моими друзьями как «старик». Позиция? Я был убежден, и мои убеждения с тех пор не были поколеблены — и мне не стыдно вспоминать свои действия, равно как и убеждения! — что не все подлежит уничтожению, разрушению, ломке. Я был убежден, что следует много думать над действительными причинами нашего бедственного состояния. И изымать из употребления лишь действительно отжившее, будь то принципы руководства или экономические рычаги. Защищая старое, я защищал людей, которые принесли много доброго в нашу организацию, вообще в нашу жизнь. Это не их вина, что общий итог в восьмидесятом был таким плохим.

— Да, очевидно, в то время о популярности нечего было и мечтать. (Усмешка, долгая пауза).

— Я помню ноябрь, нашу конференцию в Хуфеце. Меня потрясло, что никому не важно было, что я есть, кто такой я, Яцек Пехота. Никому не было интересно, что я говорю нечто собственное и уж хотя бы поэтому заслуживаю быть выслушанным. Я, отдельный человек, неотъемлемая часть организации, со своим умом, и, следовательно, независимо от того, прав я или нет, меня следует выслушать и постараться понять!..

— Это не поражение руководителя, а поражение человека политической стихией. Было ли у тебя такое ощущение?

— Конечно. Всех влекло, тащило, всех вдохновляло это тотальное разрушение.

— Конечно, особенно событиями была захвачена молодежь. Я знаю о драмах в семье, когда дочь каждый вечер до крика спорила с отцом насчет «Солидарности», но эти встречи поколений не сплотили их, а, наоборот, разъединили. Я понимаю, почему: не было совместного поиска истины или правды. Даже несчастье: арест брата, учившегося в Гданьске, — не заставило девушку «дрогнуть»: она ненавидела отца. Понадобились годы — эти годы, чтобы она кое-что поняла и поначалу испытала хотя бы жалость к собственному отцу, так беспомощно, на ее взгляд, защищавшему отжившее. Но, кстати, отец вышел из ПОРП впоследствии, ничего не сказав об этом дочери. Люди, захваченные стихией, не сплывались, но всего лишь сталкивались... Так мне казалось тогда. Скажи мне теперь: нет ли в характере вашей молодежи особенностей, которые бы в какой-то степени объясняли ее поведение в восьмидесятом? Что сделало возможным такое скорое подчинение разрушительному потоку? Ведь ты не только видел этот поток — ты сам был им влеком, ты пытался сопротивляться, тебя обвиняли...

— Польская молодежь ничем не отличается от любой другой молодежи мира в том смысле, в каком был задан твой вопрос. Другими словами, ничем в характере польской молодежи невозможно было бы объяснить, почему произошедшее в восьмидесятом и пос-

ле него стало реальностью. Восьмидесятые — это сумма прошлого.

— Учти, что я хочу знать твою собственную оценку!

— Это моя собственная оценка. Сумма прошлого. В семидесятые годы мораль официальная и пропагандируемая сосуществовали с моралью общепринятой, однако совсем иной. Личные установки людей решительно отличались от провозглашаемых в голос. Бок о бок — официальные взгляды на жизнь, реальность нашего состояния и то, что каждый мыслил сам. Совершенно нормальным считалось то, что между речью и мнением может не быть ничего общего.

— Да. Помню, как в восемьдесят втором году польский студент, бывший участник «Солидарности», сказал мне о годах, предшествовавших восьмидесятому году: «Страшная пропаганда успеха и достижений — и никаких успехов и достижений на деле».

— Это продолжалось так долго, что в конце концов дошло до того, что человек перед восьмидесятым годом вел себя н е н а т у р а л ь н о. Хорошо, что я в ту пору был лишь в самом начале этого страшного привычного для многих пути...

— Не поняла.

— В лице еще можно было быть самим собой. Но дальше пришлось бы труднее. Я только начинал свою официальную работу, но продолжать ее, оставаясь все время самим собой, быть в согласии — пусть таком нервном, когда сам себя ругаешь — и одновременно поддерживать официальную политику!.. Нет, не представляю себе этого тогда.

— Надо считать твоей удачей твою молодость: ты не успел войти в эту колею, как она была раскидана и сметена. Теперь понятно и твое поражение, твой гнев: защищая «старое», ты был абсолютно чист перед «новым». Хотя «разрушители» и не оценили этого. Знаешь, неприятно читать поток слов о том, как плохо у нас было еще вчера, как трудно было сказать правду, как угнетал всех застой... Понимаешь, это было совсем недавно, буквально вчера, и все мы были участниками грандиозного действия, это мы пели эти песни и создавали этот застой! Сколько тебе было в восьмидесятом?

— Дай подумаю. Двадцать один.

— Отлично. И уже — «поражение», сказать по-другому: первое испытание. И ты уже по себе знаешь, как унижается личность, когда ею руководят, ее не спросят. Что ты скажешь по этому поводу теперь, поднявшись наверх? Не скажешь ли ты теперь: так и должно быть. Не скажешь ли ты, что молодежь должна привыкнуть к мысли, что ею руководят знатоки этого дела? Что в том-то и состоит взросление? Скажи, в какой степени молодежная организация должна подчинить себе молодежь?

— Молодежная организация не должна управлять молодежью.

— На этом остановимся и поговорим подробнее. Как понять тебя? Ка-

кой твой собственный опыт стоит за твоей мыслью?

— Это опыт последнего года, когда я пришел сюда, в комендатуру хорунги Союза польских харцеров. Раньше, в Хуфеце, я еще не так сталкивался с а п п а р а т о м, то есть практически не испытывал его давления, следовательно, не размышлял над такой вещью, как давление аппарата. Но начнем по порядку.

По первому взгляду каждую молодежную — поскольку мы говорим о молодежи — организацию можно поделить на аппарат и массы. Аппарат управляет молодежью. К этому все привыкли. Этот аппарат управляет молодежью так, как ему представляется необходимым.

— К этому тоже все привыкли.

— Да. И этот аппарат становится велик непомерно. При том главной задачей аппарата, управляющего молодежью, становится неукоснительное исполнение директив свыше, то есть соблюдение условий управления между аппаратами. И мы между тем постоянно заняты мыслями о молодежи: мы думаем, что нам от нее требуется, что она должна выполнить, какой она должна стать... но не на самом деле, а в наших собственных глазах и особенно в глазах аппарата, управляющего нами, то есть «верхов». Необходимость выглядеть хорошо в глазах верхов становится решающей при определении задач и при выборе средств нашей деятельности. Перпетуум-мобиле, потому что лицемерие придает столько «сил», наше рвение становится уже нашей наградой!

— Не будем говорить «аппарат управления», станем говорить «руководство» — все одно, без аппарата не обойтись. Другое дело, как он должен выглядеть, из каких людей состоять, да и сколько должно быть их, управляющих? Да и откуда они должны браться?

— Аппарат должен создаваться массами активной молодежи, которая стремится к организации, но, возможно, не знает еще, как лучше ей следует организовать. При этом руководство обязано подсказать либо рекомендовать какие-то формы организованной работы, но самый хороший путь — внимательно слушать собственно народ, потому что самые современные формы работы в организации всегда зарождаются внутри массы, а не за письменным столом руководства.

— Другими словами, вы избавили молодежь от двойного давления управляющих ею?

— Нет, не избавили.

— Ты работаешь в условиях, когда прежде всего должен «хорошо выглядеть в глазах верхов»?

— Да, работаю. Давление «сверху» в Щецине для меня не связано с какой-либо личностью, с которой я мог бы вступить в дискуссию. Это плохо, это связывает мне руки. Но я стремлюсь к другому положению дел в нашей организации. Трудно. Прошел всего год.

— А что ты сказал бы на то, что подобная «стройная система управления» молодежью, когда над одними управляющими висят другие, над теми третьи и так далее, и все это слишком высоко или слишком далеко от реальной молодежи — что эта порочная система есть продукт социализма?

— Это шлак, это отработанный продукт практической реализации социализма. Я согласен, что это — наша «работа». Нам ее и р а з г р е б а т ь... Нынешняя ситуация, по-моему, прямо должна быть связана с послевоенными годами и должна считаться следствием ее последствий. После войны подобная организация масс, наверное, была необходимой системой: весьма жесткая, она требует повиновения, а не ждет, когда в организацию придут сознательно стремящиеся к ней. Но оставлять далее, оставлять сегодня это нагромождение аппарата на аппарат, это военное исполнение инструкций, множить число тех, кто живет за счет молодежи, формально «управляя» ею, — это означает опасность вспышки...

— ...какая уже имеется в истории, да? Ты ведь готов был сказать: «Вспышки, как в восьмидесятом»?

— Возможно. Да, так.

— А теперь давай посмотрим в глаза реальности. Как разрушить устаревшую, вредную и оскорбительную для молодежи систему управления ею и ввести в ряды руководства «проводников» идей, идущих снизу, из массы, если эта масса — аморфна? Если идей — нет? Мы уже говорили о том, что в большинстве своем молодежь неактивна, она не хочет «сознательно стремиться к организации, служить Родине», то есть в большинстве своем она не представляет качественного материала для творческой деятельности молодежной организации. Так? Ты согласен?

— Согласен. Для организации в такой форме, наверное, нет.

— Следовательно, остается ревностное выполнение директив — это в каком-то смысле все равно движение вперед...

— Это порочный круг, потому что управление, не нуждающееся в изучении молодежи, делает молодежь еще больше неактивной, еще дальше ее отталкивает от организации.

— Почему молодежь или, скажем так, большая часть ее неактивна?

— Молодежь не хочет быть активной в социалистическом мире, плохо устроенном.

— Неблагоустроенном?

— Да, и это тоже, но не только это! Действительно, молодой человек, как всякий человек, может быть, более чем всякий, стремится к комфортной жизни, другое дело, что под комфортом понимает поколение молодых в разные годы. И социализм как гуманистический строй обязан дать гарантии обеспечения человека комфортными условиями его жизни и работы. Такова природа социализма, что его обязан-

ности по отношению к конкретному человеку становятся все значительнее по мере его развития. И говоря: плохо устроенный социализм, — я имел в виду общество, в котором гарантии провозглашаются, но не соблюдаются или не обеспечены фактами обыденной жизни. В конце концов, гарантии насчет будущего — это немалая часть комфорта.

И когда эта немалая часть комфорта утрачена, комфорт «бытового назначения», то есть квартира не в будущем, а сегодня, деньги сегодня и прочее — все это становится е д и н с т в е н н о й целью человека.

— Зачем такому молодому чего-то искать в организации?!

— Трудности в нашем обществе не устранены, но продолжают, и, возможно, нас ждут еще большие трудности. Без организованной, сознательной политической деятельности молодежи нам их не победить.

— И, несомненно, не победить, не исследовав влияния на молодежь последствий восьмидесятого года, событий, связанных и с военным положением, и с политической борьбой тех лет. Это было совсем недавно.

— Апатия или просто неактивность сегодняшней молодежи может объясняться таким образом. Молодежь не видит настоящего шанса для себя в жизни. Она не верит в то, что изменения в обществе, о которых она слышит, достаточно глубоки. Молодые люди не уверены, что те, кто принимается за перемены, компетентны или же верны цели. Многие твердо убеждены, что перемены отнюдь не обновление, но всего лишь пудра и румяна на старом лице. Они часто имеют основание думать, что «никто не обращает внимание на действительное положение дел», но чаще это предубеждение. Предубеждение, однако, слишком укоренившееся!

— Трудно сохранять оптимизм в такой ситуации?

— Политик обязан быть оптимистом. В противном случае в моей работе не было бы смысла, и мне оставалось бы лишь заботиться о собственных благах.

— Я знаю, что жизнь твоя, твоей семьи, малышей еще недостаточно устроена. Это, конечно, не самое оптимистическое доказательство того, что ты находишь смысл в своей работе. Расскажи, как ты работаешь, что тебе удается и какими способами ты зарабатываешь авторитет, популярность среди молодежи, о предубежденности которой ты только что говорил.

— Я уверен, что, если молодость человека не будет искажаться взрослостью — что происходит сплошь и рядом, — наши дела пойдут хорошо. Что такое молодость? Да прежде всего естественность, натуральность в поведении, в проявлении чувств, в выражении мнений.

— И потому беспощадность.

— Для меня самого молодость — это ощущение, что я остаюсь самим

собой. Я ругаю себя, я недоволен самим собой — но то я, а не изображаемый мной человек, ошибся. Ошибся, а не солгал. Недостаточно хорошо выполнил задачу, а не солгал! Я слежу за этим в себе. Я буду так долго молодым, как долго в поведении моем и в словах наиважнейшим будет мое собственное суждение и как долго оно будет полностью выражаться в моих словах и поступках. Время руководителей, которые внутренне не соответствовали своим публичным выступлениям, — оно должно уйти, как нечто мрачное, изжитое.

И мне должно быть все равно, как оценивается моя работа вышестоящим начальством, если я сам не в разладе с собой!

— Что же, тебе лгать не приходилось?

— Удалось избежать.

— А молчать?

— Да, бывают случаи, когда я не могу чего-то сказать. Тогда я прямо говорю, что не могу или не знаю. Главное, чтобы в мотивах моего поведения люди не сомневались.

— Приходилось ли поддерживать политическое решение, с которым ты не был согласен?

— Нет.

— Признаваться во вчерашних ошибках?

— Много раз.

— Останавливало ли тебя перед каким-то поступком соображение такого рода: тебя могут неправильно понять, возможно, даже осудить твое поведение?

— На заседании Сейма решался вопрос об избрании «защитника гражданских прав», есть такая должность, такой пост в Сейме. Кандидатуру для избрания нам предъявили буквально перед заседанием, а кроме того, это была единственная кандидатура. И хотя я лично не имел ничего против самого человека, рекомендованного занять такую важную должность в Сейме, я протестовал против крайне недемократического способа избрания «защитника». Неужели на том основании, что кандидат предложен руководящими органами, нам остается лишь аплодировать? Я записался в дискуссию и предложил отложить выборы, а после применить более демократические. Кроме меня, выступили еще депутаты, но мое выступление, члена партии, было впоследствии расценено как политически непродуманное.

— Подрывающее авторитет партии вообще?

— Ну что-то в этом роде. Общественное мнение меня поддержало, но некоторые партийные деятели осудили. Но сам я был собой доволен.

— Не знаю, что будет с тобой в дальнейшем!

(Громко смеется).

— Сам не знаю.

— Мы говорили много о поражении. А были ли победы?

— Да. Все мои личные удачи я связываю с теми случаями, когда мне уда-

валось убедить человека в том, что моя точка зрения имеет право на существование. Но время от времени мне удается вывести человека из привычной для него схемы мышления и поведения, заставить искать правду: это победа.

— Кажется, я повторяю один и тот же вопрос: как надо себя вести лидеру молодежи, чтобы молодежь согласна была его выслушать, прислушаться, понять, поверить... в то время, когда веры так мало в ней?

— Повторяю ответ: оставаться в самых сложных ситуациях самим собой. Пусть не все знающим, а порой не до конца уверенным, часто сомневающимся. Молодежь разная. Не хочу оперировать оценками вроде «разумившаяся», «непокорная». Я всегда вижу лица, вернее, стараюсь видеть лица, хотя говорю иногда «массы». Что значит: «непокорный человек»? Хорошо это или плохо? Я знаю таких, что сделают все, что ни скажешь. Хорошо это?

— Может быть, это страшно.

— И если молодежь зла, но чья в том вина? Тех, кто ее так любит и растит, кто говорил с ней вчера и позавчера...

— Но теперь с ней говоришь ты.

— Щецин — портовый город. Здесь народ все больше приезжий, без корней. Проблем Варшавы здесь нет, есть свои. Нет, например, проблем с крестиками в школах, но есть папы и братья, возвращающиеся из плавания. Но все это такие мелочи, что жуть берет, если вспомнить, что сорок лет отцам и братьям, потом им, детишкам, говорили на черное — белое, а еще хуже внушили мысль о с п р а в е д л и в о с т и поровну! Как остановить теперь неверящего?

— Во что же ты веришь: что надо делать срочно, чтобы «остановить неверящего»?

— Надо бы, чтобы перемены происходили побыстрее...

— Вот натурально рассуждение молодого человека!

— Подожди. Не так давно один профессор сказал мне во время экзамена: «О, пане Яцку, вы еще переменитесь!» — «Нет», — ответил я. Уж не помню, о чем мы спорили! «Ну, так жизнь переменит вас», — сказал профессор, — допустим, сядете на депутатскую парту в Сейме и автоматически заважничаете». — «Нет», — сказал я. И, думаю, не стал важничать. И держусь... пока. Я уверен, что не играю, что смогу быть убедительным, если сам убежден. Я стараюсь так говорить с человеком, чтобы он понял: нельзя стоять и ждать перемен, надо самому включаться. Я этому человеку ничего не гарантирую, и я говорю ему: от тебя, как и от меня, очень многое зависит. Но... я не хочу слишком долго убеждать. Я хочу, чтобы перемены происходили как можно скорее, и тогда мне станет легче: у меня появятся аргументы, против которых трудно что-то возразить. Если бы я мог назвать число лет, когда все изменится!..

— Все говорят о реформах в государственном управлении, в политике, в экономике. Не все понимают тонкости, но многие действительно ждут я в н ы х перемен. А другие считают, что пусть уж останется, как есть, все равно перемены — к худшему.

— Наверное, труднее всего изменить мышление.

— Да, сегодня это выражение стало общим местом и в наших газетах.

— Но это реальность. Просто мышление тронется с места, когда у людей появится больше реальных аргументов в пользу того, что перемены: экономические, связанные с большими, чем сегодня, трудностями, политические, демократические, — все они ведут к лучшему, а не к худшему. Тогда появится надежда. Больше — уверенность.

— А спустя время и настоящие гарантии.

— Моя работа только что начата. И я сам хотел бы чувствовать себя уверенно, встречаясь с людьми, чтобы победа — достижение взаимопонимания — была не моей личной победой или победой эпизодической, но была бы нашей общей победой, означающей наше общее ощущение согласия с собой, ощущение правоты.

— Теперь я поняла, что один из вопросов задавать тебе не имеет уже смысла. Это, впрочем, кажется мне все равно важным. Влияние кресла на характер человека, который его занял.

— Отвечу! Когда я сюда пришел, я не хотел, чтобы обо мне сказали: пришла новая метла по-новому мести. Но... странное дело: самый кабинет мне вдруг показался неправильно устроенным! Стол стоял в другом углу, а столик, за которым мы сидим, этот низенький для частных разговоров...

— За которым тебе, наверное, приходится чаще сидеть, чем за тем «начальственным»?

— Конечно. И этот столик сразу открывался взгляду вошедшего. Человек, который пришел ко мне поговорить по-человечески, начинал дергаться. Я заметил. И переставил столы. Пустяк!

— А телефон перенести все некогда?

— Мне к телефону бегать пока не трудно.

— Это вправду мелочь, хотя и не пустячная. Значит, пока не говорят: новая метла?..

— Я еще одно изменил — время работы. До этого рабочий день в комендатуре был семичасовой, на час меньше положенного. Считалось, что час будет уходить на встречи, которые часто происходят во внеурочное время. Но я организовал дискуссию и убедил товарищей, что компенсировать собственную работу послаблениями себе негоже.

— Понятно. Последний вопрос: приходится ли тебе испытывать беспомощность?

— Когда ко мне приходят как к депутату за квартирой...

“МОЮ КОМАНДУ Я В ОБИДУ НЕ ДАМ”

Вечером Маркус пошел в магазин. Около фонтана расположился десяток подростков. Магнитофон разносил по площади мелодию модного шлягера. Это пела Тина Тернер. Маркус был в восторге от Тины Тернер, но мощь звука была так велика! Большинство прохожих обходили группу. А если и проходили рядом, то смотрели явно неодобрительно. Парни были в мотозкипировке — кожаные куртки, джинсы. Почти у всех были длинные волосы. Маркус узнал среди них двух парней из своего нового класса — Тилля и Андреа.

— Э, ты чего ходишь один? — крикнул ему Тилль с насмешкой. — Слишком гордый?

Маркус нерешительно ухмыльнулся и прошел мимо.

Неделю назад он с родителями переехал в новый район, в новую квартиру. Все эти дни он чувствовал себя очень одиноким. Каждый день писал письма старым друзьям. Новый класс был для него чужим. К тому же он сидел рядом с девочкой, которая училась много лучше, чем он. Несколько раз, возвращаясь из школы домой, Маркус даже упрекал родителей за то, что им пришлось в голову менять работу и квартиру, когда ему до окончания школы оставалось полгода. Не могли подождать немного!

Когда Маркус возвращался из магазина, ему снова пришлось пройти мимо ребят. «Это наш новенький!» — услышал он голос Тилли. И погромче. «Эй, новенький, ты куда, собственно?» Он остановился. Завязался разговор.

На следующее утро он впервые почувствовал себя в классе своим человеком. Он даже болтал со своей соседкой. И с Тилли — оказалось! — у них много общего.

Вот что значит стать членом неформальной группы. В подобных группах знакомства завязываются подчас легче и быстрее, чем в классе. И дело по душе тоже часто найти легче. Но — спросим себя:

В чем же привлекательность подобных групп?

В неформальных группах ровесники воспринимают друг друга такими, какие они есть. Они могут общаться без лишних церемоний, вместе мечтать, болтать о своих проблемах, говорить о смысле жизни, о любви, войне и мире, о моде, танцах, диско... обо всем.

Важно и то, что подобные группы не подлежат контролю взрослых (как в школе, училище, дома, в спортивных секциях и т. п.). Поэтому у молодого человека наконец-то появляется возможность действовать на свой страх и риск. Все это — существенно и необходимо для того, чтобы приобрести уверенность в себе, воспитать чувство товарищества. Молодой человек, входящий в неформальную группу и действующий в ее составе, постигает моральные и этические ценности представления из собственного опыта, а не заучивает их наизусть, как это часто бывает в школе и семье. Он становится личностью в том числе и благодаря ошибкам, которые совершает. Но...

Почему же тогда недоверие?

Родители, да и вообще взрослые, часто рассматривают такие группы отчужденно и скептически. Они чувствуют, что молодежь здесь пытается жить и действовать по-своему, на новый лад. Скептицизм очень часто переходит в отрицание и упреки. Тогда мы и слышим: «Вот она, современная моло-

дежь». Подобные замечания вызывают ответную реакцию у молодых людей — они чувствуют, что обязаны ответить на вызов вызовом. Вернемся к нашему рассказу о Маркусе и компании, слушавшей Тину Тернер на площади перед магазином. Люди проходили мимо, но никто все-таки не сказал, что же именно ему мешает. Они просто — жестами, мимикой, репликами на ходу высказывали свое раздражение. Для некоторых подростков этого вполне достаточно, чтобы начать вести себя еще более вызывающе.

Есть и другие причины, питающие негативное отношение к подобным молодежным группам. Бывает, что все так и остается на уровне болтовни о «шмотках» или девчонках (мальчиках). Эгоизм, неспособность вырабатывать интересные идеи приводят к тому, что климатом группы делаются скука и пустота, заражающие и затягивающие сверстников. Обычно это продолжается до тех пор, пока кто-то не изобретет способ «произвести фурор», который будет иметь больше общего с легкомыслием, чем с мужеством. Что же должен сделать в такой ситуации член группы, осознающий, что все складывается как-то не так? Он должен прежде всего спросить себя о том...

Кто задает тон?

Многие действия и акции неформальных групп имеют спонтанный характер. Такие группы чаще, чем группы ССНМ (Союз свободной немецкой молодежи), классы или другие организованные коллективы, склонны действовать на свой страх и риск, в соответствии с убеждением и чувством. Это происходит именно из-за отсутствия тех или иных обязательных предписаний. В этом — сила неформального движения. Но при этом надо помнить, что в условиях непосредственного, эмоционально окрашенного действия возрастает ответственность каждого члена группы. Нельзя уйти в тень, передать ответственность «наверх». Каждый отвечает за себя — и за всех. И поэтому каждый должен противиться тому, что он считает вредным и неправильным, и содействовать тому, что хорошо для всех: дискуссиям, участию в добрых делах. Это развивает чувство товарищества, повышает уверенность в себе. Атмосфера в неформальной группе должна быть такова, что каждый, независимо от склада характера и силы голосовых связок, мог бы сказать: «Мой голос здесь слышен. Я тоже задаю тон. Я знаю все, что мы делаем, и уверен, что мы правы. И поэтому мою команду я в обиду не дам...»

Перевел с немецкого В. КУДИНОВ



„Я УЖЕ УСТАЛ МОЛЧАТЬ. МНЕ НЕОБХОДИМ КОНТАКТ“

Еще совсем недавно разговор о «неформалах», если бы и был возможен, то только в рубрике «Их нравы». «Тот, кто не с нами — тот против нас!» Этот лозунг полувековой давности часто еще предопределяет наше отношение ко всему, что расходится с идеологической традицией.

Однако с апреля 1985 года восприятие обществом социальных и иных «новаций» стало изменяться. Демократизация общественной жизни не только открыла для свободного обсуждения многие «запретные зоны», но и раскрепостила сознание людей, прежде всего молодежи. По данным социологических опросов, от 30 до 35 процентов учеников 7—10-х классов средних школ Москвы причисляют себя к различным неформальным объединениям. А всего в стране сейчас насчитывается до 30 (тридцати!) тысяч подобных групп.

Кто же они, эти «неформалы»? В их числе не только школьники, но и студенты, рабочие, учащиеся ПТУ, комсомольцы, молодые коммунисты, представители творческой интеллигенции и иных социальных групп. Процент лиц с отклоняющимся поведением, психически или физически ущербных среди них не выше, чем в обществе в целом. Это значит, что «неформалы» — это не какие-то отщепенцы или чуждые нам «они», тут скорее подходит местоимение «мы», потому что в неформальных объединениях участвуют члены практически всех общественных и профессиональных групп населения. За годы застоя эти люди «аккумулировали» в себе мощный заряд энергии. Теперь эта энергия ищет способов реализовать себя — не вне общества, а внутри его, не во вред людям, а на пользу. То есть: «неформалы» — это обычные люди, наши сограждане, наши знакомые и друзья, дети и братья, наделенные нормальным, общечеловеческим желанием социальной и творческой активности...

«Странная молодежь пошла» — это, пожалуй, наиболее распространенное мнение о «неформалах». Зачем они создают какие-то «семинары», «клубы», «группы» и «фонды», когда уже существует масса общественных организаций? Одних только общесоюзных добровольных обществ насчитывается больше сотни. На любой вкус. Выбирай. Или вот еще один довод против: «Раньше же подобной «самодеятельности» не было? Зачем же она теперь?»

Давайте разберемся. Давайте посмотрим, как все обстоит на самом деле.

Во-первых, неформальные молодежные объединения существовали всегда. Например, в 30-е годы были «марьинские ребята» и тимуровские команды. В конце 50-х — начале 60-х годов «как грибы» росли клубы самодеятельной

песни. Чуть позже появились «коммунары» и «хиппи». В прошлом десятилетии «нахлынули» волны «битломанов» и спортивных «фанатов». В начале 80-х годов возникли многочисленные группы «хард-рокеров», «металлистов», «брейкеров» и пр.

Во-вторых, также далеко от истины мнение, будто раньше «потребности молодежи полностью удовлетворялись комсомольской и пионерской организациями». Жизнь показывает, что ни одна, даже самая совершенная общественная организация не в состоянии создать в своих собственных рамках условия для удовлетворения всех социальных и психологических запросов молодого (да и не только молодого) человека. Подобное «идеальное» состояние достижимо, по-видимому, лишь в результате взаимодополняющего влияния на людей различных общественных групп.

Какова роль неформального движения в социалистическом обществе? Почему возникают те или иные объединения? Какие цели они преследуют своей деятельностью? И где, наконец, та грань, перейдя которую любая из этих групп должна быть «отторгнута» обществом? Определенного ответа пока нет.

Ясно одно. В обществе растет терпимость к «инакомыслию» и возрождаются ленинские принципы организации общественной жизни. Мы начинаем понимать ленинскую идею о необходимости разнообразных взглядов и борьбы мнений в социалистическом обществе. Хорошо известно, что В. И. Ленин, отвергая фракционность, всегда поддерживал свободу суждений и критики. «Какие бы то ни были репрессии против товарищей за то, что они являются инакомыслящими по тем или иным вопросам, решенным партией, недопустимы». Таким было в 1920 году решение Девятой Всероссийской конференции РКП(б).

«Ну, это все общие рассуждения, — могут ответить оппоненты «неформалов», — а реально складывается довольно тревожная ситуация. Пусть бы эта молодежь только брюки себе шила по своему вкусу да сидела бы на тех стульях, которые ей нравятся. С этим-то, скрепя сердце, многие из нас смирились. Но ведь «они» рвутся к политике!»

Действительно. Становится очевидной социально-политическая ориентация практически всех направлений неформального движения. Было бы легко ее объяснить лишь «тлетворным влиянием Запада». Но дальновидно ли это? Если растет интерес советской молодежи к социально-экономическим вопросам, к практической политической деятельности, это скорее свидетельствует об «активизации человеческого фактора».

Правда, надо учитывать чрезвычайную неоднородность неформального движения, зыбкость границ между последовательно демократическими и безответственно демагогическими взглядами его участников. Далеко не все активисты самодеятельных объединений четко определились: кто они, с кем и за какие идеалы собрались воевать.

К первым шагам самоопределения нужно отнести появление принципа «трех нет». Нет — насилию и пропаганде насилия. Нет — идеям национальной или расовой исключительности и вражды с другими народами. Нет — претензиям на монопольное обладание истиной в ущерб праву других на самостоятельный поиск. Прекрасные слова. Хотя неясно пока, что последует за ними.

Не все зависит от самих «неформалов». Рамки и формы их деятельности предопределяют интересы всех существующих в обществе групп. Взаимодействие их только началось, и идет оно не гладко. На этом фоне редким пока исключением выглядит манифестация в защиту Байкала, проведенная 22 ноября прошлого года в Иркутске. Впервые партийные и советские работники шли в одной колонне с «неформалами».

Намеченная перестройка советского общества исключительно важна для судеб социализма. Известно, с каким трудом сопряжена ее реализация. Поэтому всяческого внимания и поддержки заслуживают любые прогрессивные общественные инициативы. Но именно прогрессивные, идущие на пользу революционной перестройке общества, а не во вред ей. Вклад, который могут внести в социальные преобразования самодеятельные объединения молодежи, — потенциально огромен. И молодежь готова реализовать накопившуюся энергию на благо всего общества. «Я уже устал молчать. Мне необходим контакт». Эти слова из популярной песни группы «Урфин Джюс» хорошо передают настроение молодежи. Это стремление не должно остаться без ответа.

Готово ли к этому общество? Видит ли оно в «неформалах» достойных партнеров для серьезных контактов? Не будем обольщаться — далеко не всегда. Но не будем и падать духом. Демократизация — не моментальный волевой акт, в результате которого все разом и вдруг станет лучше, чем было. Демократизация — это совершающийся во времени процесс воспитания и самовоспитания общества, процесс накопления опыта дискуссий и опыта терпимого и гуманного отношения друг к другу. Это и воспитание бережного отношения к инициативным людям и общественным инициативам, как к нашему национальному достоянию. Этот благотворный процесс развивается.

В. ГОЛОВНИН



ВОЗНИКНОВЕНИЕ, КРАХ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИФА

«Лишь безумный националист может утверждать, что японец в силу только своих врожденных качеств может отдавать все силы своему хозяину», — пишет один из самых глубоких исследователей местного менеджмента профессор Кунио Одака в книге «Японская система управления». «Только тупоумный шовинист способен считать, что все японцы обладают неким сверхъестественным чувством верности и долга, даже если оно не подкрепляется материально».

Значит, дерево древности, но с учетом воздуха современности.

На производстве в первую очередь была воспроизведена своеобразная атмосфера «покровительства и зависимости» прошлых веков. Человек, по замыслу стратегов менеджмента, должен быть счастлив от того, что ему дают работу и вознаграждение на относительно стабильной основе, с другой стороны, он должен быть воспитан в убеждении, что его жизнь возможна лишь в рамках данной компании. Жизнь вне компании полна опасностей и риска. Жизнь внутри компании — это безопасность и стабильность. Легко понять, что эти убеждения проще всего было воспитать в людях, лишенных претензий на яркую индивидуальность, а также и легковверных, или же легко внушаемых, иными словами — не слишком... умных. Да, система пожизненного найма означала, что даже при посредственных способностях работник может не бояться за свое будущее, при условии усердного исполнения своих обязанностей. А что еще можно было ожидать от вчерашних деревенских парней?

После второй мировой войны компании сделали упор на одном важном моменте: они стали принимать на работу не готовых специалистов, а тех, кто в силу своего образования и способностей (что тщательно выяснялось при помощи собеседований и тестов) готов к тому,

чтобы сделаться «человеком фирмы», специалистом-универсалом в рамках фирмы, чрезвычайно сведущим, подвижным, способным включиться в новый для него процесс, если того требуют интересы фирмы. Деятельный, инициативный, а в сущности, лишенный индивидуальности, непереносимый условия для возникновения настоящей инициативы, — вот идеал служащего тех лет, продержавшийся долго. Период обучения длился и длится до сих пор, по нашим меркам, излишне много времени. Молодых служащих перекидывают из одного отдела в другой. Теперь несомненно, что японская экономика своим расцветом обязана армии рабочих и служащих — универсалов с широким кругозором (выработанным фирмой) и большим запасом навыков (необходимых лишь данной фирме). Надо также учесть, что администрация японских предприятий всегда уделяла большое внимание созданию «гармоничного» климата на производстве. В универсаме «Токай» мне сообщили, что «ударники» производства не поощряются, так как они могут внести сумятицу в налаженное производство, стать причиной ненужных конфликтов.

В книжном магазине «Кинокуния» в Токио на обязательной церемонии начала рабочего дня на моих глазах коллектив демонстративно отвернулся от опоздавшей к началу церемонии барышни, несмотря на явное смущение, написанное на ее лице. Знакомый корреспондент — японец объяснил мне: «У нас невыполнение принятых на производстве правил воспринимается как оскорбление коллектива».

...С пятидесятых годов японцы работали, отдавая все силы компании, принимая на веру искусственную атмосферу «гармонии отношений» и предвидя в будущем рост собственного благосостояния. Однако к началу 70-х годов ситуация начала круто, хотя поначалу и незаметно, меняться.

Японцы стали лучше жить.

У них появились возможности лучше организовать личную жизнь.

У них появилась возможность разнообразнее проводить время, свободное от работы, и предоставить выбор вариантов отдыха и развлечений своей семье.

Возникла привычка к материальному благополучию.

И как результат, стали подрываться «моральные ценности», прежде так старательно возрожденные из тьмы веков.

Это понятно: повышение уровня жизни, хотя и не всегда, способно привести к повышению культурного уровня народа и, как следствие, к переоценке ценностей, прежде не подлежавших анализу.

Начала, конечно, молодежь. Начала с переоценки отношения к работе.

Опрос, проведенный в 1981 году Институтом проблем молодежи, показал, что среди лиц старше 40 лет половина считает работу «единственным делом жизни». Среди двадцатипятилетних такого мнения придерживались лишь десять процентов опрошенных.

Газеты сообщили о «крахе традиционной японской морали».

Вот что говорит видный исследователь «производственной психологии» профессор Токийского университета Кен Фудзисаки:

— Теперь мы хотим не просто работать, но и испытывать удовлетворение от реализации своих способностей. Японец теперь не просто терпеливый трудяга. В нем просыпается дух творчества...

Дух творчества, следовательно, личность, индивидуальность, неповторимость, — то, против чего восставала «традиционная мораль».

Миф разваливался на глазах, продолжая, однако, существовать в глазах западного мира. Экономическим ударом по «традиционной морали» явилась безработица — неведомая ранее проблема... С другой стороны, по официальным подсчетам, в 1990 году Японии будет не хватать до 900 тысяч инженеров по компьютерным системам. Такие кадры крайне трудно воспитать на основе прежних установок на «чистый

лист бумаги». В Японии складывается открытый рынок трудовых ресурсов. В 1985 году фирма фотоаппаратуры и фотопринадлежностей «Канон» наняла на этом рынке треть служащих. Журнал «Бизнес Токио» пишет: «Во времена высоких темпов экономического роста сила японских корпораций состояла в армиях «солдат фирмы», готовых пожертвовать своей личной жизнью ради интересов компании. Но теперь, в условиях перехода от массового стандартного производства к капиталоемким и наукоемким технологиям, верность фирме уже не залог стабильности фирмы. Теперь требуются верность своей специальности и высокие профессиональные показатели».

Сегодня фирмам, когда-то взлетевшим наверх благодаря узаконенной системе пожизненного найма, буквально некуда девать стареющий персонал, требующий согласно системе должностей и высокой зарплаты. В связи с этим предпринимателей стало тревожить отставание страны в «изобретательности», между тем как в Европе и в США еще удерживается миф об ультрасовременности японских товаров. Но причина парадокса в том, что «ультрасовременность» японской продукции на западном рынке есть всего лишь ультрасовременный дизайн или же множество мелких усовершенствований, тогда как кардинально нового Япония порой не может предложить. То, что в свое время породило миф об уникальности японской экономики, сегодня разрушает не столько самый миф, сколько экономику, точнее, подрывает ее перспективы... По данным еженедельника «Сюкан посуто», в течение года в мире совершается около ста действительно революционных технологических открытий, и лишь 3-4 из них принадлежат Японии. Здесь считают, что самые серьезные причины положения кроются не в отставании в фундаментальных научных исследованиях (хотя это тоже), но в недостаточном (традиционно!) стимулировании творческих настроений среди рабочих, техников, инженеров. Еще в 60-х годах японские предприниматели разглядели «факторы нестабильности» в своей системе управления. В полной мере эти факторы проявились лишь сейчас, к концу 80-х. Попыткой воспитать, восстановить и использовать тягу людей к творчеству стала организация уникальных «кружков качества», о массовом внедрении которых было принято решение в 1982 году.

И теперь японцы больше не полагаются на «специфику японского характера». С предприимчивостью, делавшей им честь, предприниматели применили идеи американского экономиста Эдварда Денинга, который, в сущности,

и изобрел, разработал концепцию кружка качества. Надо сказать, что на труды Денинга японские экономисты обратили внимание еще в 1950 году, когда в США его выкладки рассматривались всего лишь как научная гипотеза. Японский научно-технический совет пригласил экономиста в страну с курсом лекций. «В 1950 году я был единственным, кто поверил в способность японцев вырваться через считанные годы на мировые рынки с отличной продукцией, — так платил взаимностью Денинг Японии в интервью компании Эн-Эйч-Кей. — Они не только великолепно изучили мой метод, но и блестяще развили его, придав этой идее национальные черты».

Каковы эти «национальные черты» борьбы японцев за качество?

— Очень вредно искать виновных за брак, поскольку это приводит к конфликтам и в конечном итоге отражается на качестве продукции в целом, — говорил в интервью один из ведущих теоретиков менеджмента профессор университета «Токай» Ходзиме Карадзу. — Попробуем подойти к проблеме с другого конца. У брака есть конкретная причина в каждом конкретном случае. **Нужно вовлечь всех — от директора до рабочего в непрерывный поиск и устранение причин дефектной или неудачной продукции. Втягивая всех в это движение, мы выращиваем необходимый нам человеческий материал, тиражируем чувство довольства, желание с охотой идти на работу...**

Отныне администрация не только приветствует индивидуальность, но поощряет любые новшества, считая, что «даже полшага вперед приближают заветную цель». Участники кружков качества имеют доказательства того, что их энтузиазм и творческий порыв будет замечен руководством фирмы и оценен как подтверждение их преданности, которая отныне не может быть оценена как «фанатичная» хотя бы потому, что речь идет о личностях, а не о фанатиках-роботах.

...В цехе завода одного из подрядчиков «Тоеты» компании «Айдэин сэйки» в городе Кария, на «площади кружков качества» стоят деревянные скамейки, искусственный ручей, садик камней и закопченный чайник над очагом. Здесь происходит нечто вроде регулярных заседаний клуба преданных качеству. Весьма холодно оценивая передовиков, «стремящихся выделиться по собственной инициативе без учета стратегии предприятия», японские предприниматели поощряют активистов кружков качества. На «Тоете» есть роскошный Дом качества, который одновременно служит и рабочим клубом. Борьба за качество всех крупнейших компаний име-

ет еще одну «национальную японскую черту»: одним из условий ее является как бы «игнорирование» острого соперничества между фирмами во имя «общего» движения вперед, во имя лучших достижений... В настоящее время движение кружков качества приобрело в Японии всеобщий характер, они действуют в химчистках, в мастерских автосервиса, в закусокных...

— Это движение, — констатирует профессор Карадзу, — позволило японскому менеджменту не потерять свое лицо, не оттолкнуть рабочих от целей производства в условиях разрушения человеческих отношений на производстве.

(В качестве доказательства того, насколько важны поиски путей сохранения «человеческих отношений», можно привести исследования американских специалистов, которые, на основе анализа опыта лучших компаний, пришли к выводу, что **важнейшим фактором увеличения производительности труда являются отнюдь не условия труда, но внимание предпринимателей к персоналу.** Вчера в Японии это внимание выражалось в том, что компания в конечном счете лишала подопечного инициативы и воли. Сегодня это выражается во внимании к творческой стороне дела. А что окажется в конечном счете?..)

Вместо армии универсальных и во многом безликих работников, на которых опиралась японская экономика еще совсем недавно, в японских компаниях сегодня вводится система дифференцированной подготовки кадров, когда на основании тщательной оценки индивидуальных способностей и достижений служащие делятся на тех, кто в будущем пойдет по административно-командной линии, и тех, кто лучших результатов добьется в производственно-социальной сфере. На смену прежней единой карьерной лестнице приходит несколько «эскалаторов», по которым продвигаются перспективные работники. Новая система призвана еще более стимулировать творческую активность масс. Специалистам, доказавшим глубину своих знаний, устанавливается практически та же зарплата, что и административным работникам. Переаттестации проводятся регулярно раз в два-три года. Система выслуги лет кое-где отвергнута полностью.

— Наш бизнес так быстро развивается, что даже тридцатилетние выглядят ветеранами, — с иронией разъяснил мне положение дел в компании президент фирмы «Диджитал медиа Джипан» Такуя Эда. — И вообще образованному специалисту вовсе не обязательно дожидаться старости, чтобы получать хорошую зарплату за уникальную работу.

Иными словами: сейчас в Японии началась решительная перестройка в экономике, в области определения заслуг работника при назначении ему зарплаты, в области «человеческих отношений» и в области, которую можно назвать «идеальной служащий компании»...

— Молодых толковых ребят мы тут же выпихиваем на второй этаж и поджигаем за ними лестницу, чтобы они не могли убежать назад, — так выразился в беседе с журналистами президент знаменитой автомобильной компании «Хонда» Тадаси Кумэ. — «Хонда» делает ставку на собственные разработки, несмотря на то, что на первый взгляд некоторые технологии вроде бы выгоднее приобрести на стороне.

Внутри фирмы сознательно культивируется атмосфера максимально свободного и даже «фамильярного» обмена мыслями между всеми техническими работниками, невзирая на должности.

«Все инженеры равны» — такую заповедь оставил преемникам основатель фирмы, известный в Японии теоретик менеджмента Соитиро Хонда. Это можно «перевести» только так: равны все творчески мыслящие инженеры, равны творческие индивидуальности, равны ум, талант, инженерный гений. В интересах создания товарищеской обстановки в компании отменены отдельные кабинеты для руководства. **Даже президент работает в одной общей комнате со своими заместителями. В эту комнату может зайти в с я к и й служащий.** Такой подход можно вполне считать насаждением общинного коллективизма применительно к эпохе научно-технической революции, но кто может сказать с определенностью, чего здесь больше — «специфического японского духа» или же смелого применения на практике догадок и научных гипотез теоретиков менеджмента? Во всяком случае опыт «Хонды» доказывает, что сегодня именно японские бизнесмены готовы отойти от прежних форм работы с персоналом и делают это без фальшивого страха за свое самлюбие.

Подводя итоги, можно сказать, что сегодня японский бизнес находится в процессе лихорадочного поиска новых и новейших систем управления, форм контроля за качеством и повышения эффективности производства. «Классическая» система трещит по швам. А новая — не является ли она ростками нового «мифа» об уникальном и универсальном, но «неподражаемом» экономическом «чуде» Японии?

ИСПОВЕДЬ ПОЛИЦЕЙСКОГО

12 полицейских из 77-го участка Бруклина были привлечены к уголовной ответственности по целому ряду обвинений — от воровства до перепродажи наркотиков. 13-й полисмен, попавший под следствие, покончил с собой. «Из полицейских не выходит хороших гангстеров», — говорит автор этого открытого письма, полисмен из 77-го.

Я пишу в надежде привести в порядок этот бедлам, что творится у меня в голозе. Очень бы хотелось попытаться объяснить, что значит работать в таком месте, как «семьдесят седьмой».

С чем сравнить назначение в этот участок (расположенный в Бедфорд-Стейвезанте, включающем часть Восточного Нью-Йорка), не похожий ни на что в мире? Вы выходите из Америки средних классов и попадаете в место, чуждое нормальной жизни.

Когда вы входите в эти полузаброшенные дома, вы оказываетесь лицом к лицу с нищетой, отчаянием и безнадежностью. Ни Уолт Уитмен, ни Джеймс Миченер, ни все великие поэты и писатели вместе взятые не нашли в себе сил точно описать это. Даже телеили кинокамера как-то подчищает, приукрашивает картинку. Вы пробираетесь по зданию, которое совершенно обезображено, наполовину выгорело, вонь мочи, отбросов и мусорных куч бьет в нос. А потомходишь в квартиру и видишь этих детей, возящихся в грязных тряпках и какой-то гнили рядом со своими престарелыми родственниками. Ни горячей воды, ни электричества, ни самых элементарных удобств. Никто никогда не должен жить в таких условиях. Абсолютно никто. Гниль, гниль и полнейшее запустение. Как будто навеки прибита где-то тут надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Вас теперь не удивляет, что наркотики сделались для местных жителей частью их образа жизни? Уверен, окажись и вы здесь — кончили бы тем же самым, если б не превратились в самых отчаянных радикалов.

Мы часто говорим об ужасах Дахау — бесчеловечности одних людей в отношении других. Просто не верится, что люди могли это устроить. А кто несет ответственность за ужасающие, бесчеловечные труппы, расположенные в центре наших городов? Сколько же красноречия было затрачено на разных трибунах, от сената до ящика на уличном перекрестке, избличая зло нищеты и бедности, но ничего ни на йоту не изменилось. ПОЧЕМУ?



Я — часть системы, которая не только грабит людей, но и делает нечто худшее — внушает им ложное чувство безопасности. То, что произошло в «семьдесят седьмом», — трагедия. Те из полисменов, кто не был замешан в этом деле, будут вымазаны той же краской. Если их переведут, ни один капитан больше не поверит никому из них. А надо бы спросить Управление полиции как-нибудь, почему эти ребята получают возможность разлагаться, и почему они ею пользуются? Когда прыгаешь с моста, прекрасно знаешь, что разобьешься. У нас на службе возникает настоящая мания преследования — все время над тобою висит Отдел внутренних расследований Управления полиции, районный судья и специальный прокурор. Почему же все эти пояса безопасности не срабатывают? И если это произошло в «семьдесят седьмом», вы будете дураком, если считаете, что это не может произойти в «двадцать пятом» или в любом другом участке.

Да, мы арестовываем много наркоманов, да, нас много на патрулировании — нас отовсюду видать, на каждом углу, только это все глупость. Чего люди не понимают, так это того, что полисмены сами откуда-то берутся. Полицейский комиссариат не изготавливает полисменов, он их переводит из соседних районов, чтобы заняться показухой в других. Вот так поставляются крупные успехи для телевидения и прессы. Срабатывает ли эта система? Нет, и она не просто не срабатывает, а наносит прямой урон действительной борьбе с преступностью во всех ее проявлениях. Мы загоняем это дело в чертов тупик. Снова и снова социальные проблемы сваливаются на Управление полиции — вот такое получается «средство на самый крайний случай», а такие случаи — сплошь и рядом.

Прежде чем я продолжу, я хотел бы еще раз напомнить вам, что подавляющее большинство полицейских искренне преданы своему делу. Они были бы счастливы, если б сумели излечить язвы

нищеты и наркомании. Они думают об этом, они действительно хотят помочь. Беда в том, что они не могут, нет таких средств.

Ответьте мне, отчего самая могучая и богатая страна мира, оказавшись перед лицом этих зол, не находит решения проблемы? Мы, сумевшие восстановить из руин Европу и Японию после второй мировой войны, у себя дома оказались неспособны справиться с нищетой. Я ни за что, никогда не поверю, что мы не справились бы с бедностью у нас, если бы только мы того пожелали. Остается самый простой ответ — кто-то не хочет, чтоб нищета исчезала. Не злая ли насмешка избирать кандидатов без определенной программы, когда мы, народ, увязли в проблемах бедности, наркомании и преступности. Как же часто наши кандидаты тратят на предвыборную кампанию по 6 миллионов долларов, чтобы в награду получить должность с окладом в 60 тысяч в год. Они рвутся к более и более высоким постам и при этом становятся богаче и богаче. Припомните-ка, когда вам в последний раз приходилось слышать о менее чем **ОЧЕНЬ** богатом политике?

И еще одно замечание, прежде чем я закончу это путаное и бессмысленное послание, уж простите меня. На прошлой неделе я смотрел по телевизору передачу, которая называлась «Как живут богатые и знаменитые». Речь там шла об одном европейском принце, который живет во дворце из пятисот (пятисот, а не каких-то пятидесяти!) комнат, и, как глухо признал комментатор, все они не только полностью обставлены дорогой мебелью, но и украшены драгоценными произведениями искусства, сокровищами, собранными со всего мира. Под конец передачи показали, как «сюрпризом для принца» его принцесса устроила празднование дня рождения своего супруга — вечеринка продолжалась три дня и обошлась примерно в три миллиона. Потом передачу прервали и стали транслировать рекламу, а я переключил канал и наткнулся на передачу о голоде и засухе в Африке. Показывали крохотных детей, которым оставалось жить несколько дней или часов, с ножками и ручками не толще карандаша и чудовищно раздутыми животами. Я не мог этого вынести, мне как будто бы всадили раскаленную кочергу прямо в нутро. Я был опустошен — шок, ужас, стыд — стыд за себя и за весь род людской. Как? Почему? — вот вопросы, которые чаще всего задают мне, и я сам задаю их себе, и сам ищу ответа. Где он, ответ? Я только знаю, что дальше так продолжаться не может. Цена, которую нам придется заплатить в будущем, окажется неприемлемой. Это должно когда-нибудь взорваться, люди, человеческий дух, так прекрасно воспетый в поэзии, должен восстать — и то будет день ужасной мести за все наши недостатки. В «семьдесят седьмом» это уже произошло.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ФАКТЫ

DADDY

CLAPTON, ERIC. Эрик Клэптон, английский гитарист, вокалист, композитор, род. 30 марта 1945 г.

Начал играть на гит. довольно поздно, в 17 лет, но это не помешало ему с блеском окончить Художественный колледж по классу этого инструмента.

Свою первую группу «Рустерс» Э. К. организовал в 1963 г., в нее входили Брайан Джонсон (позже «Роллинг стоунз»), Пол Джонс и Том Макгиннесс (оба впоследствии играли у Манфреда Мэнна). Затем Э. К. присоединился к «Ярдбердз» и в составе этой группы получил широкую известность как гит. и комп. Затем «Я.» стали тяготеть к «попсу», что стало причиной ухода Э. К. Некоторое время он сотрудничал с Джоном Майаллом и его группой «Блюз-брейкерс», это оказало огромное влияние на становление Э. К. как виртуозного гитариста-блюзовика: он настолько отшлифовал свою технику игры, что стал считаться первым гитаристом мира, отобрав этот титул у самого Хендрикса. В 1966 г. Э. К. вошел в состав «Крим» (см. далее «РЭР»), после распада этой группы Клэптон недолго играл в «Блайнд фэйт», «Дилэни энд Бонни» и «Дерек энд зе доминос» (в это время песня Э. К. «Лайла» стала международным хитом).

С 1970 г. Э. К. работает сольно, часто выступает в роли продюсера, принимает участие в записях других исполнителей. Стиль его периодически меняется — от хард-рока до кантри-блюза, но в основе музыки всегда лежит классический блюз.

Пластинки: «Эрик Клэптон», 1970; «История Э. К.», 1972; «Концерт в театре «Рэйнбоу», 1973; «Океанский бульвар, 461», 1974; «Один в любой толпе», 1975; «Здесь был Э. К.», 1975; «Для слез нет причин», 1976; «Вялые аплодисменты», 1977; «Возврата нет», 1978; «Всего один вечер», 1980; «Другой билет», 1981; «Не в ногу», 1981; «Деньги и сигареты», 1983; «За солнцем», 1985; «Август», 1986; «Сливки Э. К.» [двойной сборник], 1987.

«CLASH» («Клэш»), группа образовалась в 1976 г. в Англии.

Исходный состав: Джон Страммер, вок., гит.; Пол Саймонон, бас; Мик Джонс, гит.; Кейт Ливайн, гит.; Терри Чаймс, уд.

Начинали как «подогреватели» перед выступлениями панк-группы «Секс пистолз», и влияние парк-рока очень заметно в дебютной работе — «Клэш», 1977. Но вскоре группа стала одной из законодательниц стиля «новая волна».

Затем продюсер Сэнди Пирлмэн [ранее продюсер «Блю ойстер калт» и «Павловс дог»] ужесточил звучание «К.» [пл. «Дай дураку волю...», 1978], и в музыке группы появились элементы хард-рока.

Наибольший успех выпал на долю третьего альб. «Вас вызывает Лондон», 1979; следующая работа, «Сандиниста», 1980, была музыкально менее интересной, но ее антивоенную направленность критики оценили по достоинству.

Следующую пл. «Боевой рок», 1982, продюсировал Глин Джонс, известный по своей работе с «Роллинг стоунз» — выход альб. совпал с амер. турне, и «К.» стали знаменитостями.

Пл. «Хватит молоть чушь!», 1985, пока последняя: музыканты работают сольно, выпускают сборники, но о распаде «К.» не сообщают. «Ровесник» писал о «К.» в № 3, 4, 9 за 1982 г.

Изменения состава: 1977 — Ливайн, — Чаймс, + Ник Хэдон, уд.; 1982 — Хэдон, + Чаймс, уд.; 1985 — Чаймс, + Питер Хауорд, уд.

COVHAM, BILLY. Билли Кобхэм, американский барабанщик, композитор, аранжировщик. Род. 16 мая 1944 г. в Панаме.

В середине 60-х начал выступать с нью-йоркским джаз-секстетом и после года работы избрал карьеру сейшнмена. Окончил Нью-Йоркскую консерваторию. В число его постоянных «клиентов» входят такие выдающиеся музыканты, как Джеймс Браун, Ларри Кориел, Херби Мэнн, Джон Маклафлин, Майлз Дэвис, Карлос Сантана, Джек Брюс.

Несмотря на явную склонность к джазовым аранжировкам своих композиций, любимый стиль Б. К.— авангардный арт-рок, и любой музыкант, пробующий силы в этом жанре, может рассчитывать на помощь Б. К.

Не так давно Б. К. собрал группу, которая, как он надеется, станет его постоянным спутником в студии — кроме него, в группу (пока без названия) входят: Дин Браун, гит., Джерри Эткинс, клав.; Бэрон Браун, бас; Са Дэвис, уд. Самая последняя пл. (1987) называется «Предупреждение-2» («Предупреждение-1» было записано в 1985 г.).

Сольные пластинки: «Спектр», 1973; «Встречный ветер», 1974; «Полное затмение», 1974; «Опасный песенный прилив», 1975; «Концерт в Европе», 1976; «Жизнь и время», 1976; «Волшебство», 1977; «До нашей эры», 1979; «Продолжительность полета», 1981; «Улитка», 1983.

COOPER, ALICE. Элис Купер (настоящее имя Винсент Фурнье), вокалист, композитор. Род. (по данным амер. рок-энциклопедии) 25 декабря 1945 г. (в английской рок-энциклопедии дата рождения: 4 февраля 1948 г.) в Детройте, США.

Первую группу собрал еще в школе («Иэруигз»), позже переименовал ее в «Спайдерс», потом — «Назз». Постоянными членами первых групп были: Глен Бакстон, гит.; Майкл Брюс, гит., клав.; Деннис Данзуэй, бас; Нил Смит, уд.

После переезда в Лос-Анджелес группа сменила название на «Э. К.» и ее пригласил в свою студию Фрэнк Заппа, где они записали первые две пл.: «Красотки к вашим услугам!», 1969, и «Простое дельце», 1970; успехом эти работы не пользовались.

В конце 1970 г. группу заметил известный продюсер Боб Эзрин и первый же альб. «Я это очень люблю», 1971, который он продюсировал, стал «золотым»: от несложных, мелодически наивных песен «Э. К.» перешли к жесточайшему хард-року, в котором органично соединились лиризм и динамика.

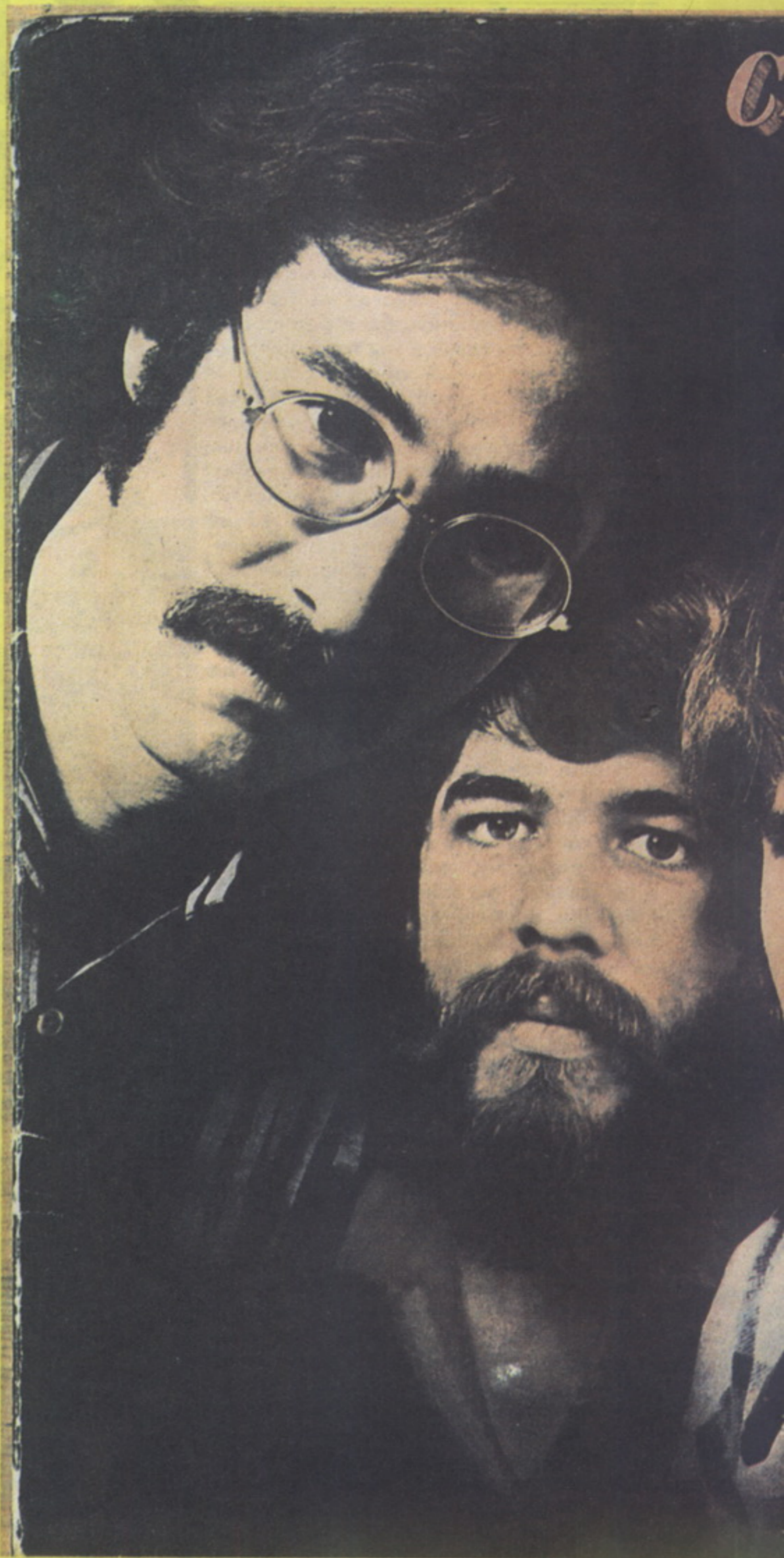
Последовала серия «платиновых» пл.: «Убийца», 1971; «Конец уроков», 1972; «Куколки по миллиарду долларов», 1973. В это время Э. К. привлекал внимание не только мелодичными, выразительными композициями, но и довольно необычными выступлениями: «Моя задача — шокировать безмозглых буржуа и эстетствующих снобов», — сказал однажды Купер.

В 1974 г. он расстался со своей группой (музыканты стали выступать под названием последнего альб. и, записав две слабые пл., распались), набрал новый состав, выпустил диск «Мышца любви», 1974, и начал сольную карьеру с постоянно меняющимися музыкантами. Так появилась целая серия пл., среди которых наряду с очень сильными («Добро пожаловать в мой кошмар!», 1975; «Изнутри», 1978; «Спецподразделение», 1981) были и явные неудачи («Элис Купер отправляется в преисподнюю», 1976; «Кофе с ликером», 1977; «Апогей моды», 1980).

В 80-х активность Э. К. несколько снизилась, он стал реже записываться в студии, заинтересовался кинематографом и снялся в нескольких фильмах. Однако его последний диск «Подними руки и воскликни», 1987, говорит о том, что певец отнюдь не исчерпал свои творческие возможности.

«CREAM» («Крим»), группа «Сливки» образовалась в 1966 г. в Англии.

Состав: Эрик Клэптон, гит., вок.; Джек Брюс, бас, гармоника, вок.; Джинджер Бейкер, уд.



Американская группа «Криденс клиэруотер ривайвл» (см. «РЭР» в этом номере) блистала в конце 60-х годов, когда простая и наивная поп-музыка начала превращаться в рок. Среди пионеров нового жанра были и «Криденс»: в их музыке появились необычные созвучия, композиции усложнились, а некоторые продолжались по 10 и более минут — такие микросимфонии наиболее полно раскрыва-

CREEDENCE CLEARWATER REVIVAL



ТО САРАЛЕТТ/WAYNE KIMBELL

ли возможности стиля и впоследствии стали его опознавательным знаком.

«Криденс» распались более 15 лет назад, но их мелодии звучат и сегодня, а имена музыкантов вписаны в историю рока: Стью Кук, Дуг Клиффорд, Джон Фогерти, Том Фогерти (слева по часовой стрелке).

Дебютировав летом 1966 г. на фестивале в Виндзоре, группа, состоявшая из музыкантов-виртуозов (см. «РЭР» в № 1, 5 и 7 за этот год), практически первой начала играть в стиле, который сейчас называют хард-рок. «К.» на протяжении всей своей короткой карьеры тяготели к блюзу, который в сочетании с затяжными инструментальными соло, сложными аранжировками и выделенной ритм-секцией заложили основы не только хард-, но и хэви метал-рока.

«К.» много гастролировали, работали в студии, но вскоре «суперзвезды» почувствовали взаимную неприязнь, что послужило причиной распада «К.» осенью 1968 г. Несмотря на недолгую деятельность, группа стала как бы катализатором хард-рока, породив множество талантливых последователей и создав своего рода формулу стиля.

Пл.: «Свежие сливки», 1966; «Дизраели гизрс», 1967; «Огненные колеса», 1968 (уже после распада группы вышла пл. «Прощай!» и два концертных альб.).

«CREEDENCE CLEARWATER REVIVAL» («Криденс клизруотер ривайвл»), группа образовалась в 1967 г. в США.

Исходный состав: Джон Фогерти, гит., вок., гармоника, сакс., клав.; Том Фогерти, гит.; Стью Кук, бас; Дуг Клиффорд, уд.

Начали выступать в 1959 г. под названием «Блю велветс», в 1964 г. сменили название на «Голлиуогз» и за два года записали несколько десятков синглов (почти все они вошли в альб., выпущенный в 1975 г.— уже после распада).

Название «К.к.р.» появилось в 1967 г. (более подробно о творчестве группы см. «Ровесник» № 12 за 1987 г.). Большим событием стало выступление «К. к. р.» на фестивале в Вудстоке летом 1969 г. Своего творческого пика группа достигла в 1970 г., записав альб. «Маленький заводик «Космо», который стал четвертой «платиновой» пл. в репертуаре «К. к. р.».

В январе 1971 г. группу покинул Т. Фогерти, и втроем музыканты совершили гастрольное турне, результатом которого стал выпуск пл. «Концерт в Европе». В октябре 1972 г. «К. к. р.» распались, но переиздание их пл. продолжается до сих пор. Кантри-року, который, как считают американские музыкальные обозреватели, изобрели «К. к. р.», пытались подражать как в США, так и в Европе, но превзойти «К. к. р.» по мелодичности и динамике композиций не удалось никому.

Т. Фогерти записал несколько сольных пл. и в начале 70-х работал вместе с музыкантами из группы «Грейтфул дэд». Клиффорд и Кук в середине 70-х входили в состав группы Дона Харрисона.

Пл.: «К. к. р.», 1968; «Болотная страна», 1969; «Зеленая река», 1969; «Вилли и бедняки», 1969; «Маленький заводик «Космо», 1970; «Маятник», 1971; «Марди грас», 1972 (две концертные пл. вышли после распада группы — «Концерт в Европе», 1973, и «Концерт в Альберт-холле», 1981).

«CULTURE CLUB» («Калчер клуб»), группа образовалась в 1981 г. в Англии.

Состав: Бой Джордж (настоящее имя Джордж О'Дауд), вок.; Джон Мосс, уд.; Рой Хэй, гит., клав.; Майкл Крейг, бас.

Группу справедливо называли «недостающим звеном между негритянским соул и белой электронной музыкой». Творчеству «К. к.» была присуща мелодичность, искусная аранжировка, интересные тексты песен. Дебютный альб. «Намеки на талант», 1982, вполне оправдывал свое название, а вторая пл. «Цвет и его оттенки», 1983, принес группе популярность не только в Англии, но и за ее пределами.

Следующий альб. «Разбуженный пожаром», 1984, ознаменовал собой переход к стилю фанк: звучание «К. к.» стало резким и столь же резкими стали песни, посвященные проблемам расизма. Выпустив четвертый альб. «От роскоши до сердечной боли», 1986, группа исчезла с горизонта и впоследствии распалась.

В 1987 г. Бой Джордж записал первый сольный альб. «Продано», который критики встретили очень доброжелательно.



„Де Бирс“ — АЛМАЗНАЯ ИМПЕРИЯ

Регулярно, раз в пять недель, в лондонский международный аэропорт прибывают весьма странные личности в африканских, индийских и других национальных одеждах или в обычных европейских костюмах, которые съезжают сюда из Нью-Йорка, Бомбея, Тель-Авива, Банги или Киншасы. И каждый сразу направляется в самый центр английской столицы к дому № 17 по Чартерхауз-стрит. Это здание с зарешеченными окнами и единственной массивной бронированной дверью — своего рода Форт-Нокс; только там хранятся стандартные золотые слитки, а здесь — еще более ценные богатства. Это — штаб-квартира Центральной организации по сбыту алмазов — филиала, специально созданного крупнейшей южноафриканской горнорудной компанией «Де Бирс консолидейтед майнз лимитед» для того, чтобы управлять мировым рынком драгоценных камней.

В эту святая святых имеют доступ менее 300 покупателей, съезжающих со всех концов света. Они могут попасть в здание лишь после того, как

вставят в щель специального охранного устройства магнитную карточку и наберут секретный код. Все они уже знают друг друга в лицо и частенько приветствуют друг друга традиционной шуткой: «Ну как? Бриллианты по-прежнему вечны?»

Правда, теперь это уже не просто шутка. С тех пор как политика расовой сегрегации привела ЮАР к кризису, никто уже не берется предсказывать будущее алмазного рынка. Тем более что этот рынок пережил в последнее время целый ряд крупных потрясений и что цены на нем не подчиняются законам классической экономики.

Собственно говоря, алмаз фактически не имеет цены. Даже те разбросанные по всему миру два десятка организаций, которые принято называть алмазными биржами, никогда не публикуют ни курсовых бюллетеней, ни биржевых цен, ни даже тарифов. На них заключаются лишь сугубо индивидуальные сделки, суммы которых хранятся в секрете.

Необычный характер этих процедур можно понять, лишь учитывая особый характер самого товара. Алмазы — это

Мишель ФРИДМАН,
французский журналист

подлинное чудо природы — продукт не только редчайшего сочетания особых геологических условий, но и огромного терпения, упорства и осторожности, которых требует открытие их месторождений, их добыча, обработка и, наконец, сбыт. И то, что весь этот процесс находится под контролем крупнейшей мировой монополии, — следствие именно того, что их притягательная сила явно не укладывается ни в какую логику.

В самом деле, хотя нет ничего дороже алмаза, верно также и то, что алмаз ничего не стоит. Еще в 1796 году английский химик Смитсон Теннант доказал, что по химической природе алмаз ничем не отличается от обычного куска угля. Ценность этой разновидности углерода заключается в тех особых характеристиках, которые обеспечивают алмазу условия его формирования. Это, конечно, его редкость в природе, но также его необычные физические свойства.

Прежде всего речь идет о совершенно особых способностях этого минерала реагировать на свет. Показатель преломления у алмаза самый высокий по сравнению со всеми другими физическими телами и одновременно самый многообразный по длине волн, что обеспечивает ему его особую игру и блеск. Именно поэтому наиболее чистые алмазы всегда относились, наряду с рубинами, сапфирами и изумрудами, к драгоценным камням 1-го класса...

Кроме того, алмаз обладает наивысшей твердостью, составляющей потолок этих показателей в минералогической шкале твердости, предложенной в конце XVIII века немецким физиком Фридрихом Моосом. Это и позволяет алмазу оставлять отметины на любых других материалах.

Такие физические свойства придали этому минералу те совершенно фантастические условия, в которых происходит кристаллизация угля в алмаз. Для этого нужно не только, чтобы температура достигала свыше 1300 градусов по Цельсию, но и чтобы уголь подвергся давлению, превышающему обычное атмосферное в 70 раз. В таких условиях, которые возможны в природе только в недрах Земли на глубине свыше 100 километров, и происходило формирование алмазов 22 миллиона столетий назад!

Эти особые качества алмазов были известны уже во времена античности, когда драгоценные камни ценились не только за свою редкость и красоту, но и за те магические свойства, которые им приписывали. А менее ценные и менее красивые камни использовались как орудие гравировки. С тех же времен сохранился обычай исчислять вес драгоценных камней с помощью единицы, составляющей в нынешней метрической системе лишь два дециграмма.

Как вы уже догадались, речь идет о карате — слове, африканское происхождение которого не вызывает сомнений. Хотя некоторые утверждают, что этот термин является производным от итальянского «карато», на самом деле он образован от арабского «кират», означающего «малый вес» и происшедшего от греческого слова «кератион», обозначавшего одну треть оболы, которое, в свою очередь, произошло от африканского «каруб» — названия зернышка плода цератонии. Некоторые специалисты обнаружили даже целый ряд аналогов во многих языках и диалектах, употреблявшихся когда-то в Африке.

Компания «Де Бирс», начавшая свою деятельность в прошлом веке в Кимберли и выстоявшая в ожесточенной борьбе с конкурентами, превратилась в конечном счете в гигантский концерн, захвативший львиную долю в сфере добычи и сбыта алмазов. Она обеспечила себе контроль не только над 15 алмазными рудниками Кимберли, но и еще десятком рудников, разбросанных вокруг двух других месторождений алмазов в ЮАР, а также четыре-

мя богатейшими месторождениями, открытыми недавно на юге соседней Намибии. Сегодня «Де Бирс» даже владеет совместно с государством Ботсвана алмазным рудником в Джаваненге — самым богатым в мире. Камни, которые там находят, причем в огромном количестве, отличаются исключительным разнообразием. А сама добыча, которая недавно достигла своего максимального уровня, считается наименее дорогостоящей на всей планете. В результате экспорт алмазов возрос с 1982 по 1984 год с 238 до 485 миллионов долларов.

Вот так «Де Бирс» обеспечивает себе главенствующие позиции в этой отрасли. По ее собственному признанию, она контролирует по объему свыше 80 процентов всей добычи алмазов. По площади концессий она обладает в настоящее время более обширной территорией, чем, например, территория Франции.

В то же время огромные затраты на эксплуатацию месторождений на столь гигантской территории, несомненно, привели к существенному повышению цен на алмазы. А так как даже на самых богатых коях добывается не более трех дециграммов алмазов на тонну породы, необходимо переработать в среднем около 250 тонн породы, чтобы получить карат алмазов. Кроме того, поскольку малые размеры драгоценных камней делают несложным их сокрытие или, во всяком случае, увеличивают соблазн этого, на рудниках установлена жесточайшая система контроля и наблюдения.

Компания «Де Бирс» имеет для этих целей настоящую частную армию. На территории в десятки тысяч квадратных километров ведется постоянное патрулирование с помощью вертолетов и вездеходов. Строжайший контроль обеспечивается также на всех этапах добычи алмазов.

Весьма дорого обходится сам процесс добычи и сортировки камней. Поскольку большинство открытых месторождений, естественно, было довольно быстро исчерпано, теперь приходится прокладывать в недрах Земли глубокие галереи, используя для этого взрывчатку и гигантские экскаваторы. Затем, пройдя целый ряд дробильных агрегатов, глыбы крепчайших скальных пород превращаются в самый мелкий гравий, который подвергается промывке силикатами, маслами и водой. В результате только алмазы благодаря своей твердости и удельному весу оседают на движущемся полотне ленточных конвейеров, которые выносят эту непрерывную алмазную реку к конечному пункту — герметически закрытым стеклянным боксам, где размещены сортировочные сита. На протяжении всего этого пути, который проходят драгоценные камни, обеспечиваются куда более строгие меры безопасности, чем в атомной промышленности. Шахтеры, большинство которых составляют африканцы, попадают на шахту или в цехи, так же как и выходят



оттуда, только через специальные турникеты, которые автоматически считают число прошедших и время от времени неожиданно блокируют проход. Это делается с тем, чтобы любой мог в любой момент подвергнуться досмотру, который проводится с исключительной тщательностью. Даже белые сотрудники — а только они имеют право непосредственно соприкасаться с камнями — производят их взвешивание, пользуясь специальными герметичными перчатками. Каждую ночь — всегда в различное время — прибывает отряд вооруженных полицейских, которые без свидетелей выгружают драгоценное содержимое стеклянных боксов, вес которого известен заранее с точностью до миллиграмма, и ночью же доставляют алмазы в специальные комнаты-сейфы, где на следующий день уже другие сотрудники продолжат их классификацию.

Такая дорогостоящая система, применяющаяся еще и сегодня во всем мире, существует со времен Сесила Родса, который разработал ее перед своей кончиной на стыке прошлого и нынешнего веков. У него нашелся весьма достойный преемник, который усовершенствовал эти меры безопасности и контроля и расширил его империю. Эрнест Оппенгеймер, эмигрировавший из Германии без единого су в кармане, сумел не только нажить колоссальное состояние на алмазных рудниках в Намибии, но и взять под свой контроль компанию «Де Бирс». Более того, он не стал довольствоваться только добычей алмазов, а начал с 1934 года завоевывать позиции и в сферах их обработки и торговли, создав в Лондоне Центральную организацию по сбыту алмазов.

Ныне практически все пути ведут к центру на Чартерхауз-стрит. Сюда не попадает лишь незначительное число необработанных камней — либо тех, что были украдены, либо тех, что более или менее нелегально циркулируют на теоретически существующих свободных рынках. Например, недавно в страсбургском аэропорту «Полигон» во Франции было конфисковано у пилота Хайнца Пеира шесть алмазов общей

стоимостью 200 тысяч французских франков.

Большинство алмазов попадает уже теперь в Антверпен, Тель-Авив, Бомбей, Гонконг или Нью-Йорк лишь на время, необходимое для их обработки и решения их дальнейшей судьбы. С этого момента ювелирные алмазы, уже отделенные от технических алмазов, превращаются в подлинные произведения искусства, стоимость которых зависит исключительно от вкуса и таланта того гранильщика, в чьи руки они попадут. И только лондонская биржа могла бы установить средний уровень цен, если бы компания «Де Бирс» не провозгласила раз и навсегда, что бриллианты стоят слишком дорого, чтобы вообще иметь цену!

Этим и объясняется то, что десять раз в год странные личности, о которых мы упоминали выше, съезжаются в штаб-квартиру Центральной организации по сбыту алмазов на Чартерхауз-стрит, а также иногда в Люцерн, Йоханнесбург или Кимберли. Каждого из этих знатоков алмазов проводят поодиночке в одну из сорока разделенных друг от друга комнат. Чем выше котируется потенциальный покупатель, тем обширнее комната, куда его проводят, и тем лучше она оснащена самыми современными инструментами.

Однако законы здесь диктует продавец, а отнюдь не покупатель. Клиенту предоставляется право посмотреть предлагаемый лишь ему набор камней стоимостью от 1 до 25 миллионов долларов, который не увидит ни один из его конкурентов. К тому же, он не имеет никакого права выбора: он может либо полностью взять всю партию, либо полностью отказаться от нее, если обнаружит, что продавцу удалось включить в партию несколько плохих камней.

В этих условиях становится невозможным никакой торг. В случае несогласия с ценой переговоры ведутся только через посредника, выбранного с обоюдного согласия, но обязательно принадлежащего к одной из четырех английских маклерских контор, сохраняющих монополию в этой области на протяжении уже многих поколений. Если разногласия не удастся уладить, Центральная организация по сбыту алмазов предпочитает, как правило, отказаться от продажи данной партии.

В результате такие спорные партии скапливаются в бронированных сейфах на Чартерхауз-стрит, образуя несметные сокровища. А когда на мировом рынке повышается предложение или спрос падает настолько, что возникает тенденция к снижению цен, в эти же сейфы будут убраны на время и камни, изъятые с рынка. Они будут затем выпущены на него, когда снизится предложение или возрастет спрос, потянув за собой вверх цены.

Такой метод регулирования цен тем более эффективен, что он осуществляется не только в количественном отношении. Компания «Де Бирс» может диктовать свои законы, так как зани-

мает господствующие позиции на рынках всех примерно трех тысяч существующих качественных градаций камней по чистоте, форме, цвету и т. д. Она же устанавливает в одностороннем порядке цены на алмазы, во всяком случае, в принципе. Дело в том, что со времен Эрнеста Оппенгеймера, затем при его сыне Гарри и его внуке Николасе, возглавляющем ныне эту империю, кризисные явления непрерывно усугублялись.

Первыми пошатнулись технические алмазы. Перед второй мировой войной цены на них заметно поползли вниз в результате открытия богатейших месторождений в Бельгийском Конго и массового выпуска технических алмазов на мировой рынок Советским Союзом. Но тайные контракты позволили Центральной организации по сбыту выстоять в конкурентной борьбе.

Затем появилась новая угроза, связанная с созданием искусственных алмазов. Экспериментальные результаты, полученные впервые в 1953 году шведскими профессорами Лиандером и Лундбладом, нашли с тех пор широкое распространение, и ныне ежегодно производится 20 тонн синтетических камней. Но «Де Бирс» благодаря своим трем заводам сумела завоевать господствующее положение и на этом новом рынке.

Кроме того, теперь цены на технические алмазы поддерживаются все более широким спросом на них: насчитывается уже более 200 различных сфер их применения. Широко изучаются сейчас, в частности, новые возможности применения тонких алмазных пленок, технологии получения которых были разработаны в Советском Союзе и в Японии. Американцы, например, в перспективе развертывания СОИ инвестировали недавно 2,7 миллиона долларов в так называемую «инициативу алмазной технологии». А японская компания «Сумитомо электрик» работает над созданием алмазных транзисторов, менее чувствительных к температурным факторам и излучению, чем кремниевые транзисторы.

В целом потребление технических алмазов возросло по сравнению с довоенным уровнем с менее одной тонны в год до более 30 тонн в год. Ожидают, что в дальнейшем эта цифра увеличится еще в пять раз, достигнув к концу нынешнего века 150 тонн. Но эта тенденция не затронула ювелирные драгоценные камни, имеющие, естественно, во много раз большую стоимость. Перемещение центров их обработки из Бельгии в Израиль, затем в Индию и на Дальний Восток, а также появление новых, более совершенных инструментов и технологий автоматической огранки и шлифовки снизили их себестоимость, но не повлияли, однако, на спрос на них. Наоборот, колебания курсов доллара и золота превратили драгоценные камни в новую резервную валюту для спекулянтов всего мира, и в результате их операций

цены на бриллианты возросли с 1977 по 1981 год в четыре раза; правда, в дальнейшем они почти на столько же снизились к 1985 году.

Такими резкими колебаниями и объясняется большинство скандалов, разразившихся на алмазных рынках в последнее время. В частности, во Франции трое мошенников, решивших сыграть на жажде легкой наживы, создали сбытовое общество, названное ими Союз торговцев драгоценными камнями, и сумели таким путем «нагреть» по меньшей мере 86 своих жертв более чем на 5 миллионов французских франков. Можно думать, что наделавший много шума крах парижской ювелирной фирмы «Дом Шоме» был результатом подобных же операций, поглотивших около 2 миллиардов французских франков.

Еще не улеглась шумиха, вызванная этими скандалами, как засилье ЮАР в алмазной области было поколеблено взрывом насилия в этой стране, порожденным апартеидом. Опасность истощения этого одного из главных источников поступления алмазов может вновь породить спекулятивную игру на повышение цен на них, в то время как перспектива возможного освобождения мирового рынка от засилья компании «Де Бирс» способна вызвать их резкое падение.

Естественно, Центральная организация по сбыту алмазов не осталась безучастной перед лицом этих опасностей. Сокращение предложения на алмазном рынке было для нее прежде весьма легким делом. Поэтому она сразу же закрыла два рудника в ЮАР, безжалостно выбросив на улицу 5 тысяч человек. Это привело к снижению в период с 1981 по 1984 год дивидендов владельцев рудников на 50 процентов. Однако обеспечить в дальнейшем повышение спроса на рынке алмазов было вполне во власти этой организации. Располагая бюджетом, оцениваемым в 110 миллионов долларов в год, она не поскупилась на расходы для самой широкой рекламной кампании с целью расширить круг своей традиционной частной клиентуры. Результаты не замедлили сказаться. В прошлом году, несмотря на проведенное дважды значительное повышение тарифов (первое — в апреле на 7,5 процента на мелкие камни и второе — в ноябре на 7 процентов на крупные драгоценные камни), новое оживление на алмазном рынке принесло этой сбытовой организации сенсационные результаты. Сумма ее выручки возросла за год на 45 процентов, и оборот составил в 1986 году порядка 14 миллиардов французских франков, то есть почти достиг ее абсолютного рекорда — 16,5 миллиарда французских франков, установленного в 1980 году.

Но даже это не способно полностью возродить доверие ни у промышленников, ни у розничных торговцев. Уже наученные горьким опытом, они продолжают вздыхать: «Конечно, бриллианты вечны, но... надолго ли?»

УЧИТЕСЬ ССОРИТЬСЯ!

ИНТЕРВЬЮ С ПСИХОЛОГОМ
МИХАЭЛЕМ КЕЛЛЕНЕМ (ФРГ)

Вопрос: «Умный молчит, когда дурак ворчит», — гласит пословица. Действительно ли умно молчать, чтобы предотвратить ссору?

Ответ: Нет. Чем теснее взаимоотношения, тем важнее споры, даже ссоры, которые показывают партнеру те границы, которые должны соблюдать в совместной жизни. И именно сегодня ссоры гораздо важнее, чем когда-либо. Потому что сегодня люди все больше времени проводят один на один в своих четырех стенах. Здесь, в «замкнутом пространстве», гораздо больше шансов для конфликтов. Эти конфликты, если не разрешаются сразу, приводят к раздорам. Кроме того, женщины все чаще берут на себя чисто мужские обязанности (материальное обеспечение семьи). А мужчины — женские (воспитывают детей). Это усложняет их совместную жизнь.

Вопрос: Нельзя ли поподробнее?

Ответ: Традиционно в семье были точно определены и разделены обязанности мужа и жены. У каждого была своя сфера деятельности. Совсем по-другому дела обстоят в эпоху эмансипации: мужские и женские сферы влияния пересекаются и меняются. У мужчин уже нет безусловного авторитета во всех делах. И каждый раз нужно снова и снова выяснять: кто прав, кто виноват. И это вызывает споры, потому что кто же добровольно и безропотно откажется от своих привычных свобод и собственных удовольствий? Особенно отчетливо это проявляется в интимной жизни. В этой сфере человеческих отношений сегодня между мужчиной и женщиной возникает гораздо больше конфликтов, чем это бывало ранее. Оба партнера чувствуют себя равноправными, но при этом часто выражают противоположные желания. И здесь спор — важнейшее средство по-

нять партнера, сблизиться с ним, а в случае необходимости и изменить свое сексуальное поведение. Когда мы длительное время маскируем свои страхи, обиды и требования кажущейся гармонией, то быстро улетучивается чувство удовлетворения от совместной жизни.

Вопрос: Но есть множество супружеских пар, которые постоянно ссорятся. И эти ссоры только отдаляют их друг от друга, а не сближают. Получается, что они не умеют правильно ссориться?

Ответ: Они только изнуряют себя этими ссорами, так как они не умеют спорить друг с другом. Они и не могли этому научиться, потому что в нашем обществе наложено табу на злобу и агрессию, которые, однако, присущи любому спору. Это проявляется уже у маленьких детей. Упрямство, своенравие, возмущение, которые свойственны человеку в переходном возрасте, — все это необходимые фазы развития, в которых спор и борьба приобретают особый смысл для самоутверждения и становления личности. Это свойственно даже ссорам в песочнице, перебранкам с братьями и сестрами, скандалам с родителями. Но ссоры не остаются безнаказанными: родители лишают провинившегося своей любви, бьют, читают нравоучения до тех пор, пока не вобьют в голову: будьте внимательными по отношению друг к другу!

Вопрос: Но разве взаимное уважение — не основа совместной жизни?

Ответ: Нет, если мы рассматриваем его вне связи с другими явлениями в личной жизни и не даем простора для столкновений. Агрессия, выяснение отношений, чувство ненависти к партнеру — это присуще каждому человеку. Мы можем направлять эти чувства по разным руслам, переносить их на что-то другое или вытеснять из нашей жизни и не можем только одного — избавиться от них. Тот, кто все-таки пытается отстраниться от этого, кто лучше пойдет спать, чем станет прислушиваться к упрекам супруга, кто прячется за газету, вместо того чтобы дать выход своим чувствам, кто безропотно проглатывает каждодневные мелкие неприятности, вместо того чтобы сразу же высказать свое отношение к ним, тот, вероятно, живет в мире с супругом, но между ними вырастает гора неразрешенных проблем, которая становится все выше и выше. Люди не могут во всей полноте чувств любить друг друга, если они не научились управлять и давать выход раздражению и злости.

Вопрос: Что бы вы посоветовали молодым людям, любящим друг друга?

Ответ: Первый и важнейший шаг — это понять, что ссора является составной частью любви, а агрессия присуща нашей жизни. Если ты сам признаешь это, то тебе будет легче понять партнера.

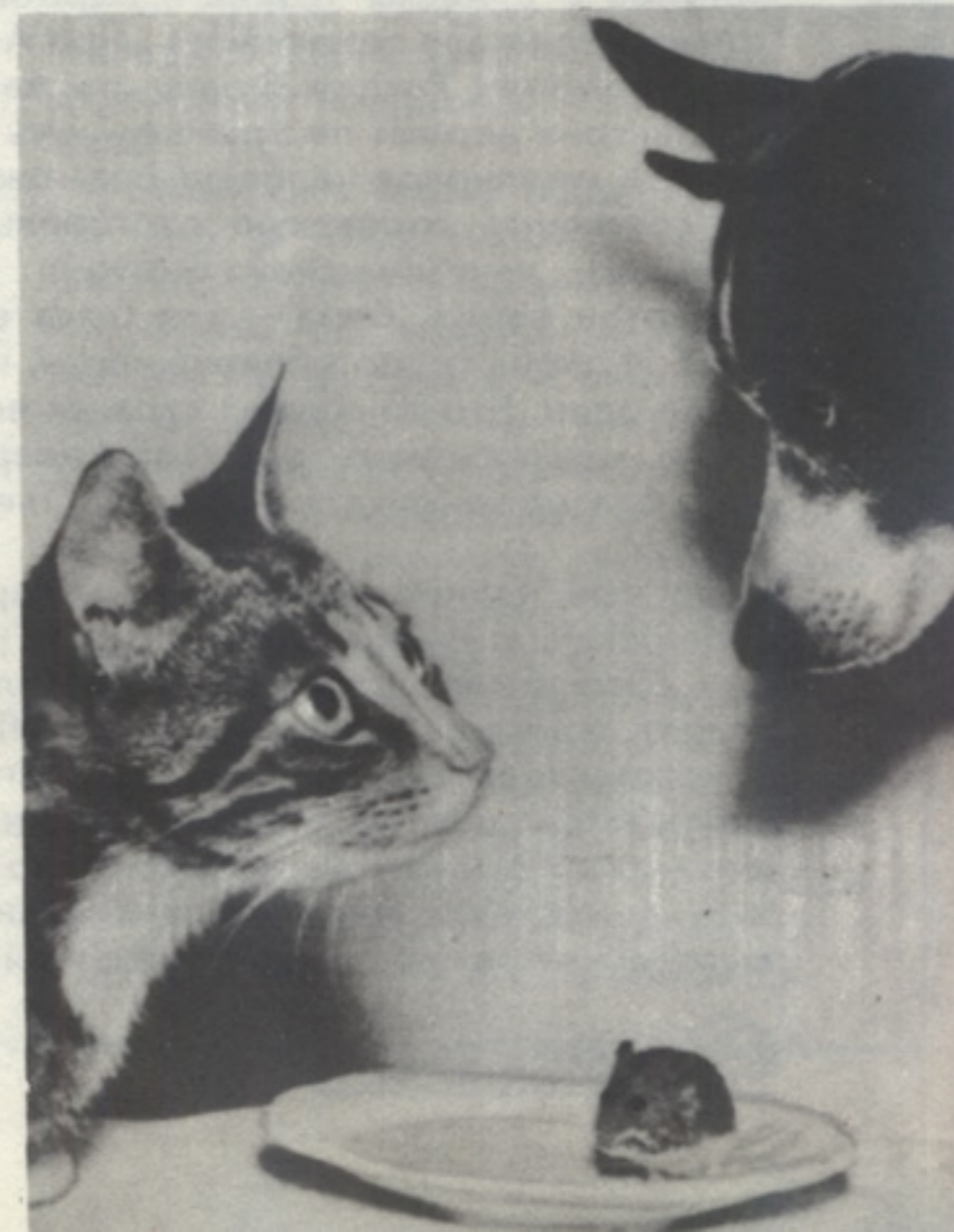
Вопрос: Можно ли научиться ссориться?

Ответ: У ссоры есть своя техника, овладению которой нужно постоянно учиться так же, как учатся технике плавания, так же, как тренируются до тех пор, пока не исчезнет страх перед водой. Если кто-то не научился правильному спору, то он применяет словесные удары ниже пояса, которые ранят личность партнера, обостряя положение. Если во время спора вы кричите на партнера, говорите слова, которые обижают его, то таким образом вы не проясняете ситуацию, а запутываете ее. Это значит, что вам надо учиться спорить.

Вопрос: На что же надо обратить внимание молодым супружеским парам?

Ответ: Споря, они должны постоянно задавать себе вопрос: «Чего каждый из нас добивается от партнера?» К примеру, выясняя отношения по поводу беспорядка в квартире (это зачастую является причиной крупных столкновений), уместно спросить себя: «Почему я всегда разбрасываю свои вещи? Хочу ли я затруднить жизнь партнеру? Или я наказываю его? За что? За то, что он не оказывает мне должного внимания?» Если честно отвечать себе на подобные вопросы, то становится ясно, что многие споры по мелочам являются всего лишь средством самозащиты или способом, которым мы пытаемся добиться чего-то большего: большего внимания к себе, любви, большей свободы. Очень важно суметь увидеть, что стоит за мелочью, вызвавшей разногласия, а для этого надо быть смелым и откровенным. И это мы тоже должны неустанно воспитывать в себе. Тогда любой спор, по какому бы поводу он ни возник, будет конструктивен. В противном же случае спор — это перебранка, которая может длиться годами.

Перевела с немецкого
Е. КЛИМАНТОВА



СЕЙЧАС ПОБЕГУТ...



16

июня 1894 года в Париже, в одной из аудиторий Сорбонны, открылся международный конгресс за возобновление Олимпийских игр. Две тысячи человек собрались в зале, чтобы прослушать сочиненный композитором Фором к открытию «Гимн Аполлону». Текст принадлежал неизвестному древнегреческому поэту и был найден археологами в Дельфах. Исполняла гимн певица мадам Жанна Ремакль в сопровождении хора.

Этот гимн, соединявший в одно целое древние слова и современную музыку, символизировал в глазах организатора конгресса Пьера де Кубертена слияние двух эпох: античной и индустриальной. Античное начало должно было облагородить цивилизацию трамвая и станка. Речь на конгрессе шла о спорте. Но Олимпийские игры значили для Кубертена больше, чем просто состязания молодых людей в беге, плавании и прыжках. Для него был важен дух античного противоборства — дух Ахилла и Аякса, Гектора и Патрокла. Он помнил о математике Пифагоре, который был отличным кулачным бойцом и побеждал на Олимпийских играх древности. Он верил, что благородство и честность придут в жизнь людей через спорт и Игры, верил, что войны будут прекращаться на время состязаний — как это было в Элладе. Об этом он произнес за свою жизнь множество речей и написал множество книг (в них шестьдесят тысяч страниц).

Но в конце прошлого века многим казалось, что его речи нелепы, а сам он представлялся чем-то вроде Дон Кихота. «Возможно ли, — спрашивали скептики, — чтобы этот тридцатилетний француз достиг мира с помощью своих бегунов в длинных трусах и борцов в трико, когда для сохранения мира Англия, Германия, Россия, Франция и Австро-Венгрия держат под ружьем чуть ли не пять миллионов человек? Возможно ли соединить греческую пастораль с законами нью-йоркской биржи?» Но Кубертен верил. Вера — это была его сила. И очень скоро обнаружилось, что он не один. Что во многих странах есть люди, мечтающие о том, чтобы возродить благородный дух античных Олимпиад.

Первые Олимпийские игры современности состоялись в 1896 году в Греции. Это были игры для любителей спорта, а не для профессионалов. «Любителем является тот, кто постоянно занимается спортом ради развлечения, физического и морального благополучия, не извлекая из него материальной выгоды — прямой или косвенной...»

(из Олимпийской хартии). Профессионалов Кубертен презирал, называя их метод тренировки «дрессировкой». На первые игры съехались 285 спортсменов из 13 стран — маленькая, гордая и воодушевленная армия Кубертена. Все эти люди днем работали на фабриках, водили трамваи, сидели в конторах, а вечерами толкали ядро в собственном саду или прыгали на пустыре через веревку, натянутую между двух деревьев. Женщин на первых играх не было, но на вторых (в Париже в 1900 году) уже были. Они выступали в теннисе и гольфе.

Виды спорта, представленные на первых Олимпийских играх 1896—1912 годов, были не похожи на те, что входят в расписание нынешних. Спорт еще не вышел из детского возраста. Многие виды были точной копией забав, которыми развлекаются городские и деревенские мальчишки. В каком городском дворе не прыгают «с места, кто дальше», в какой деревне не ходят на реку подныривать под лодки и плоты? Взрослые мужчины брали пример со своих сыновей. В Париже, Сент-Луисе, Стокгольме легкоатлеты прыгали с места в длину, в высоту и тройным, гимнасты лазили по канату, кто быстрее, а пловцы соревновались в «плавании с препятствиями». Этот вид спорта вызвал особенный интерес у публики. Спортсмен должен был проплыть 200 метров, по дороге перелезть через лодку, затем через деревянную жердь и в конце поднырнуть под корабль. Охотники соревновались в стрельбе по голубям. Кажется — потеха, а не Игры. Но это только кажется. Борьба была нешуточной. Перед Играми спортсмены, как и в наше время тренировались, не щадя сил, развивая силу и гибкость. Правда, в начале века они делали это для собственного удовольствия, и ни правительство, ни бизнесмены не платили им тысячные гонорары за удачно посланный мяч и метко пущенную стрелу. Любительство как основной принцип спорта Кубертен защищал всю жизнь. «Я предостерегаю вас против спортивного профессионализма, — сказал он на пресс-конференции в Праге в 1925 году. — Нужно бороться с ним всеми силами». Для любителей, желающих держать тело в порядке и выступить на Олимпиаде, он писал брошюры, где давал советы по приемам и методам тренировок. «Вы просто не представляете себе всего, что можно сделать со столом и двумя прочными стульями. Одемя, сложенное вчетверо и положенное на стул, превращает его в станок для тренировки пловца... Спинки стульев, через которые вы переносите ноги в

разных направлениях, становятся подобием параллельных брусков. Вы можете перескакивать через табурет с опорой на руки. Упражнения на сгибание и разгибание поясницы со стульями, подсунутыми под спинку кровати, обеспечат вам поддержание хорошей формы, если вы думаете заняться греблей...» Так он им советовал. И сотни взрослых мужчин в Париже, Риме, Мельбурне, Петербурге и Нью-Йорке раскачивались, опираясь на спинку стульев, и отжимались от пола, и подтягивались на косяке двери, и подсовывали ноги под спинки кроватей. Где они, эти люди, и что сделала с ними судьба? Многих из них перемололи колеса первой мировой войны — войны, которую не предотвратили ни Олимпиады Кубертена, ни корпуса Жоффра и Китченера. Тренируясь, они выбрасывали от груди вперед руки с гантелями — раз! два! раз! два! — и, может быть, твердили в такт слова своего апостола, слова, в которые верили: «О спорт! Ты — наслаждение! О спорт! Ты — зодчий! О спорт! Ты — прогресс! О спорт! Ты — мир!»

Они верили в правильность идей Кубертена. Но идеи Кубертена не побеждали. Они лопались при столкновении с действительностью, как воздушный шарик при ударе об угол крыши. Игры в Афинах, Париже, Лондоне, Стокгольме не остановили ни одной войны: ни англо-бурской, ни испано-американской, ни русско-японской. Наоборот, первая мировая война остановила Игры. Но, как ни странно, идея Олимпиад возрождалась каждый раз, когда казалось, что ей пришел конец. Стоило только пулеметам прекратить стрельбу, как розовый шарик олимпийской мечты снова появлялся в небе, и Кубертен снова начинал собирать свои раскиданные по миру спортивные силы (кто остался в живых). И они, выжив, опять занимались спортом с энтузиазмом и бескорыстной любовью. (Не забудем — слово «любитель» происходит от «любить»).

Кто они были, эти первые олимпийцы века? Мы мало знаем о них, даже о тех, кто показывал феноменальные результаты и добивался потрясающих успехов. Американец А. Кренцлейн в 1900 году получил четыре золотые медали — он выиграл бег на 60 метров, 110 и 200 с барьерами и прыжки в длину. Другой американец, Р. Юри, на трех Олимпиадах получил восемь золотых медалей — все восемь в ныне не существующих видах спорта. Рэй Юри прыгал в длину, в высоту и тройным с места: Карл Льюис, Валерий Брумелль и Виктор Санеев в одном лице. В первые годы XX века он был, пожалуй, самым известным легкоатлетом мира. Он никому не проигрывал. Гибкость его была необычайна (без гибкости и растяжимости тела не добьешься успеха в прыжках с места). «Гуттаперчевый человек», «резиновый человек» — так звали его. (Против титула «резиновый человек», кстати говоря, возражал Кубертен — он видел тут попытку рекламы резиновых компаний). В Париже



в 1900 году он прыгнул в высоту с места на 1 метр 65 сантиметров, а в длину (без разбега) на 3 метра 21 сантиметр. В тройном (тоже без разбега!) он показал 10 метров 58 сантиметров. При этом ни у Юри, ни у Кренцлейна не было, конечно, ни специально изготовленной фирмой «Адидас» сверхлегкой и упругой обуви, ни тартановых дорожек. И все-таки в 1900 году Алвин Кренцлейн показал в прыжках в длину 7 метров 18 сантиметров — результат, который на пятнадцатых Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки принес бы ему 5-е место при 27 участниках!

Как они достигали таких результатов? Каким образом тренировались «звезды» 1900 года, какие упражнения использовали? Неужели все та же рекомендованная Кубертенем гимнастика с помощью стульев и табуреток и бег на месте на мягкой подушке? Или выдумывали что-то свое, небывалое? Увы, мы не знаем. За рекордсменами тогда не ходили операторы с кинокамерами и не бегали репортеры с магнитофонами. Да и магнитофонов тогда не было. Был фонограф Эдисона, графофон Белла и граммофон Берлинера — три аппарата, еще споривших между собой, который из них лучше... Чемпионы тех лет ставили рекорд, получали золотую медаль, меняли спортивную форму на костюм, штилеты и котелок и тихо уезжали домой, к своим фабрикам, станкам, трамваям.

На улице их никто не узнавал. В родных местах их по-прежнему считали чужаками.

Ну и что! Они верили, что придет день — и Олимпиады станут огромным, всечеловеческим праздником. Отвага переполняла их сердца. В кабинете Кубертена на стене висели скрещенные шпаги — не две, а целых четыре! Не было в Европе города, где он не выступал бы с речами, агитируя за спорт и бросая вызов скептикам: «Я верю в ве-

ликое будущее дела, которое мы начали...» Он был упорен — говорил об этом, говорил повсюду, где только можно. В аристократических клубах. В рабочих кварталах. Не сдаваться до конца — это была одна из главных доблестей олимпийца. На Стокгольмской олимпиаде некоторые пары борцов боролись больше часа — обхватив друг друга могучими руками, они изнемогали, но не желали уступить. Были ли все они, как один, рыцарями без страха и упрека? Не будем льстить им — герои не нуждаются в лести. В их среду иногда затесывались и лжецы. На третьих Играх в Сент-Луисе американец Фред Лорз выиграл марафон, показав рекордный результат, но потом выяснилось, что он чуть ли не тридцать километров ехал на такси. А на пятых, в Стокгольме, шведский борец Гельгесон победил финна Иогансона с помощью запрещенных приемов. Но это, конечно, были редкие исключения из правила. В олимпийцах начала века — в большинстве из них — жила бескорыстная страсть к совершенству, чистая вера в добро. Как нам заглянуть в их глаза, как нам взять у них хоть капелючку их чистой веры?

Только фотокарточки могут немного помочь нам. Вот Кубертен, создавший в 1894 году конгресс за возобновление Олимпийских игр, заказавший музыку для гимна композитору Фору и не пожалевший лет и сил на то, чтобы создать «маленькую республику спорта» — республику, в которой он видел прообраз будущего человечества. У него усы и прямой взгляд честных глаз. Это действительно усы Дон Кихота и глаза мечтателя: упрямые и добрые одновременно. А вот герои первых Олимпиад, любители спорта, верившие, что в новом веке человечество непременно достигнет физического, нравственного и социального совершенства. Маленький человечек с усика-

ми, в панамке и длинных черных трусах, на подламывающихся ногах финиширующий после марафона на четвертых Играх в Лондоне. Бритый наголо мощный мужчина в цирковом трико в обтяжку и с толстой шеей — англичанин Лоуренстон Эллиот, на первой Олимпиаде поднявший одной рукой 71 килограмм, двумя — 111,5, а также занявший пятое место в лазании по канату. Восемь шведских пожарников, выигравших соревнования по перетягиванию каната в 1912 году. Невысокий, мускулистый, с четким пробором и гладко уложенными волосами итальянец Альберто Бралья, чемпион 1908-го и 1912 годов в гимнастическом многоборье. А вот и наш соотечественник Николай Панин-Коломенкин — это он принес стране первую золотую олимпийскую медаль, которая до 1952 года оставалась единственной. В 1908 году в Лондоне он выиграл соревнования по фигурному катанию. (Это не ошибка — в 1908 году, на летней Олимпиаде в Лондоне, уже был каток с искусственным льдом). Как он красив на этой старой фотографии, наш чемпион — сложив руки на груди, весь в черном, смотрит в объектив многозначительными томными глазами. А вот пятерка бегунов, за несколько секунд до старта на 100 метров на первой Олимпиаде в Афинах. Четверо в рубашках с короткими рукавами, а пятый в майке. Трое надели спортивные тапочки прямо на босу ногу (видимо, для легкости бега), а двое в темных высоких носках. Старт принимают как попало — кто оперся пальцами о землю, кто стоит, выставив вперед руку со сжатым кулаком. А один — хитрец! — наклонился и держится о палочки, воткнутые в землю. За ними — судья в котелке, с поднятым пистолетом в руке. Лица у всех напряженные, серьезные, как и положено. Сейчас побегут...



СВИТЕР ЕЩЕ ХОРОШИЙ, но, честно говоря, изрядно вам надоел: вы не вылезали из него всю зиму. Несколько способов обновить старый свитер предлагает американский журнал «Тин». Можно украсить свитер разноцветными помпонами. Можно — крупными пуговицами, пропустив через них тонкие ленточки. Можно вообще расшить его пуговицами и пластмассовыми заколками! Для украшения подойдут, помимо лент, полоски кожи. В большой моде сейчас кружевные воротнички и манжеты, хорошо дополняет их узор из искусственного жемчуга. Короче, все зависит от вашей фантазии и — хорошего вкуса.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ



ВОТ И ЛЕТО, к которому мы подошли, если откровенно, не в лучшей форме. Одна из проблем — педикюр. Как пробиться к педикюрше и где ее вообще найти? Способ экономии времени, денег и нервных клеток — сделать все самой по рекомендациям из американского журнала «Космополитен». 1. Десятиминутная ножная ванна: на тазик горячей воды столовая ложка питьевой соды и столовая ложка соли. 2. Пемзой или специальной теркой (они бывают в магазинах) устраните огрубевшую кожу на пятках и стопах. 3. Подстригите ногти, но не очень коротко и не срезайте уголки ногтей, лучше подпилите пилочкой, стараясь придать им слегка овальную форму. 4. Ни в коем случае не покрывайте ногти ярким лаком — это производит чудовищное впечатление!

А как питаться летом, если за год вы набрали лишний вес? Предлагаем вам диету знаменитой киноактрисы Элизабет Тейлор. Завтрак: 1 чашка клубники без сахара или любых других фруктов. 1 ломтик жареного хлеба без масла. Чай или кофе с каплей обезжиренного молока (по желанию). Обед: отварная курица со специями, зеленый салат. Чай или кофе с каплей молока. Полдник: свежие овощи (в любом количестве, но без сметаны или майонеза). Ужин: филе рыбы жареное (180—240 г). Овощи на пару. Не вредно также вести дневник, записывая все, что вы едите (без исключений). Если вы заметили, что у вас есть потребность «перекусить», скажем, в 4 часа дня, оставьте на этот час что-нибудь из вашего диетического обеда. Если вы перед сном должны съесть яблоко, иначе не уснуть, постарайтесь «выкромить» это яблоко из дневного рациона. И не забывайте о спортивных упражнениях — хотя бы 3 раза в неделю.



ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС. Приходилось ли вам слышать женские голоса, столь громкие и визгливые, что кажется, вот-вот лопнут барабанные перепонки? Приходилось ли вам напрягать слух, чтобы расслышать, что бормочет себе под нос, например, приемщица в ателье? А как, кстати, вы сами говорите? Спросите об этом друзей, пусть они ответят честно, и не обижайтесь на правду. Постарайтесь также записать какой-нибудь свой разговор на магнитофон — не специально заготовленную речь, а именно бытовой разговор, тогда вам самой многое станет ясно. И учтите: аргументы типа «Я вовсе не грублю, просто у меня такой голос» неприемлемы. Голос — часть человеческого обаяния. И его можно исправить. Вот несколько упражнений, приведенных в книге американского автора Лилиан Уайлдер «Успешный разговор».

1. Станьте прямо, расслабьтесь. Зафиксируйте взгляд на какой-либо отдаленной точке. Считайте вслух до пяти, вдыхая перед каждым словом и произнося слово на выдохе, следите за тем, чтобы выдох был ровным. Теперь досчитайте до пяти на едином выдохе. Потом, «на едином дыхании», до десяти, пятнадцати и двадцати. Старайтесь не «глотать» гласные звуки. Выдох должен быть бесшумным.

2. Повторите упражнение, обратив внимание на то, как вы произносите согласные звуки.

3. Добиться хорошего тембра можно следующим упражнением: считайте от одного до десяти, произнося каждое слово все более низким голосом: «десять» должно звучать так низко, чтобы даже было трудно произнести. Запомните, как звучал ваш голос на цифрах «пять» и «шесть», старайтесь говорить именно этим тембром.

4. Впечатление от вашего чудесного голоса будет ужасным, если вы будете произносить им глупости и грубости.



ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ



УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ СПАТЬ? Нелепый вопрос, тем не менее у каждой из нас бывают в жизни периоды, о которых можно сказать: «Я устала просыпаться уставшей».

Приучайте себя спать в любую погоду с открытой форточкой или окном. Не загружайте себя работой перед самым сном — усталость тоже может быть причиной бессонницы. Оставьте хотя бы получасовую «прокладку» на что-нибудь приятное: спокойную музыку, игру с собакой, просто на безделье. Ссоры с домашними старайтесь уладить до сна, иначе злобные мысли будут грызть вас до самого утра. И вообще, не давайте воли злобным мыслям. А если уж не спится, то лучше заняться чем-нибудь, чем мучиться бессонницей. Так, если вас терзают проблемы, связанные с работой или учебой, запишите все, что беспокоит, на листочек и постарайтесь забыть об этом до утра. Можно также сделать маникюр или выгладить блузку, написать письмо или пришить отпортившийся карман. Одних успокаивает музыка, других — приятный запах (нанесите каплю любимых духов на лампочку или зажгите ароматическую свечку). Съешьте яблоко, а лучше — выпейте стакан теплого молока. Почитайте, решите кроссворд.



В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МАГАЗИНАХ продается замечательное приспособление, почему-то не пользующееся широким спросом, — электрофритюрница (стоит она, кстати, не очень дорого — 23 руб. 50 коп.). Возможно, спрос на нее невелик потому, что не многим известны рецепты блюд, которые можно в электрофритюрнице приготовить. Предлагаем вам рецепт традиционного французского блюда — фондю. Для 4—6 человек: $\frac{3}{4}$ стакана сухого белого вина, 1 раздавленный зубчик чеснока, 6 яиц, 250 г натертого сыра (лучше твердых сортов), 60 г сливочного масла, щепотка соли, щепотка черного перца. Вино с чесноком выварить наполовину, остудить. В миску разбить яйца, размешать с сыром, разогретым сливочным маслом, перцем и вином. Посолить по вкусу. Вылить в электрофритюрницу, подогреть до тех пор, пока масса не превратится в однородную. На длинных вилочках опускать в кипящую массу кусочки поджаренного белого хлеба, сырого мяса, овощей...



День рождения в Индии

Рис. А. АРХУТИКА

Индия началась в самолете. Это был самолет индийской авиакомпании. Ряды кресел просторно отстояли друг от друга, как в кинотеатре. В салонах работало видео. В первом салоне показывали индийский фильм, во втором — европейский. Какой хочешь, такой и смотри.

Стюардессы легко передвигались, спокойно, слаженно работали, и казалось, что их лица не имеют самостоятельного выражения. Они существовали для пассажиров.

Обратно наша делегация возвращалась на советском самолете. Мои колени упирались во впереди стоящее кресло. А когда пассажир захотел откинуться, то он практически лег мне на лицо. Вообще, мы к этому привыкли, но когда появляется возможность сравнить, становится непонятно. Почему индусы думают о своих пассажирах, а мы нет? Долетели, не разбили и скажите спасибо. Ну что ж, спасибо.

Итак, мы в Индии. Цель нашей поездки — вручение премии Неру. Мы собираемся в большом зале и вручаем на сцене премии Неру наиболее достойным: писателю, шахматисту, художнику. Шахматист — юный, моложе нашего Каспарова. Писатель — уже зрелый и горластый. Я подозреваю, что эту премию он себе выкричал.

Выступает наш представитель, работающий в Индии. Потом индус — седой и мудрый. Впрочем, они оба седые.

Наш дипломатический человек говорит таким образом, что каждое слово что-то значит, а вместе эти слова не значат ничего, общее впечатление барабанной дроби. Нечто жизнеутверждающее.

Индус говорит так, что каждое слово значит, и вся речь исполнена глубокого смысла. У них бюрократический язык не прививается. Они бессмертны и принадлежат вечности.

Это особенно чувствуется на кладбище, вернее, на кремации. Для нас похороны — траурная церемония. Мы атеисты и знаем, что ТАМ ничего нет. Для нас смерть — это вечная разлука с близкими. А для индусов смерть — это повод для новой жизни, может быть, гораздо лучшей. Усопший еще лежит на носилках, а его душа уже в птице, которая летит над местом кремации и смотрит сверху. Поэтому индусы не боятся смерти. Их жизнь освобождена от этого унизительного страха. Они избавлены от него своей верой. Счастливые люди, которые пользуются такой религией. На наших похоронах с близкими расстаешься навсегда, а у них — на время.

Обилие нищих. Самых нищих не расстраивает их жизнь. Они не хотят ничего изменить. Как живется, так и живется. Карма. Твоя судьба спущена тебе свыше, от тебя самого ничего не зависит. Поэтому у индусов такие спокойные лица. Никто никуда не торопится, не толкается. А зачем? В таком способе жить есть свое преимущество. Но на мой характер, это неинтересно. Разве не хочется вмешаться в свою жизнь, взять характер, как оружие, и отстоять ту судьбу, в которой тебе интересно.

Мы воспитаны, что «жизнь дана человеку один раз». А они воспитаны, что жизнь дана человеку бесконечно. Он бессмертен.

Индусы для себя определяют четыре возраста.

Первый возраст — ученик, когда человек учится. Второй возраст — это воин. Не в прямом смысле солдат, а просто пришедший в жизнь, утверждающий свой способ жить. Это от 20 до 40. Третий возраст — от 40 до 60 — отец семейства. То есть он ставит на крыло своих детей, обеспечивает потомство, чтобы оно было жизнеспособно. И четвертый возраст — отшельник. В четвертом возрасте человек может уйти из дома, поменять фамилию, имя. Это время для созерцания, осмысления, подготовки к новой, следующей жизни.

Я спросила у Миры Салганик (она член делегации, крупный советский индолог, переводит наших поэтов на хинди и наоборот):

— А на кого они похожи из наших? На узбеков?

— Ни на кого. Они — сами по себе.

Поразительная страна Индия. Вся погружена в свою религию. Однако в Мадрасе я встретила атеиста. Это врач. Он недавно перенес сложную операцию на сердце и считает, что жизнь — не в руках господ, а в человеческих руках. И никакой второй жизни нет. Мура все это.

Я смотрела на атеиста во все глаза, а он смотрел на меня с глубоко погруженным, чисто европейским юмором.

Там же, в Мадрасе, я встретила со своей коллегой, писательницей. Это привлекатель-

ная женщина, ей сорок лет, выглядит моложе. Она сказала, что написала шестьдесят романов.

Мне показалось, что я не поняла, и переспросила:

— Шестьдесят рассказов?

— Нет, романов, — подтвердила писательница. — Больших и толстых.

Я поразила такому плодородию и спросила:

— А вам что, больше нечего делать, как только писать?

К моему удивлению, она ответила на мой вопрос совершенно серьезно:

— Да. Я жила в деревне. Там не было мужчин моей касты. Я не могла выйти замуж. А с другими кастами мы, брахманы, не пересекаемся. Поэтому я была одинока. Мне нечего было делать, и я писала — днем и ночью.

Она смотрела на меня ясными глазами. А я — со скрытым ужасом.

Писательница стала рассказывать мне о своих новых замыслах, а мне хотелось спросить: нашла она себе мужа или нет? Но не спросила.

В Мадрасе я отпраздновала свой день рождения. Я встретила его в Бенгальском заливе, в прямом смысле этого слова. Я положила свою одежду на камни, а сама стала плавать в теплых волнах против камней, чтобы видеть свою одежду. Подошел мальчик-индус и крикнул, что в этом месте купаться нельзя. Здесь воронка и акулы. И это место отмечено камнями как запретное.

Я поторопилась на берег. Меня не затянуло в воронку и не сожрала акула. Я вышла на теплый песок и босиком пошла к отелю. Моя делегация и Казанцев — наш представитель в Мадрасе — ждали меня в ресторане за накрытым столом. Мы пили вино «Шабли» и ели лангуста. От одних слов с ума сойдешь. Это самый запомнившийся день рождения. Замечательная страна Индия. Однако я не могла бы жить в одном времени года. У нас их четыре: весна, лето, осень и зима. А там только лето. Жарко, невыносимо жарко. Вот и все. А у нас: и слякоть, и снег, и солнце, и дождь. Чего только нет!

И пусть наш самолет тесен. Стюардессы хмуры. И лангуста не подают. И живем мы один раз. Все равно — домой, домой, в свои пальто и шапки, в свои бледные лица и голубые глаза.

Индия непостижима, как ее танец. И совсем другая. Но как хорошо, что Земля круглая и на ней есть всё и все.

„САМОДЕЛЬНАЯ МУЗЫКА” ПИТА СИГЕРА

Майк ЭРВИН,
американский журналист

Если вы столь наивны, что полагаете, что Пит Сигер — все еще тот долговязый юноша, который играет на банджо и поет народные песни, вы будете удивлены, узнав, что ему уже шестьдесят девять и что в самом ближайшем будущем он намерен прекратить выступления и полностью посвятить себя семье.

Но будущее — будущим, а в настоящее время общественная жизнь Сигера насыщена как никогда.

Большую часть времени Сигер и его жена Тоши посвящают организации «Клиэруотер» («Чистая вода». — Пер.), она была создана в 1969 году, и Сигеры — в числе ее основателей. Главной движущей силой этой организации в прямом и переносном смысле является парусное судно «Клиэруотер», древний 100-тонный шлюп, курсирующий по Гудзону. Основная цель таких рейсов, как, впрочем, и самой организации — напомнить местным жителям о существовании Гудзона, подчеркнуть красоту реки, чтобы мобилизовать всех на защиту ее от загрязнения. Эта задача оказалась вполне посильной, и после того, как она была выполнена, программу можно было бы и свернуть, но... к тому времени организация «Клиэруотер» уже начала жить собственной жизнью, превратившись в своего рода стиль общественной активности и став неразрывной частью культуры реки Гудзон. Уже появились фестивали «Клиэруотер» и даже целые песенные циклы.

— Что, по-вашему, означает термин «народная музыка»?

— Этот термин появился в Европе примерно 130 лет назад, и расшифровывается он как «древняя и анонимная крестьянская музыка». Если придерживаться этого определения, то в Америке нет народной музыки. Однако в конце XIX века люди нашей страны начали собирать ковбойские песни и негритянские спиричуэлс и сказали, что это тоже народная музыка.

Потом появились исполнители типа Вуди Гатри¹. До тех пор, пока он не по-

¹ Вуди Гатри (1912—1967) — собиратель и исполнитель народных баллад и песен протеста. Его считают своим учителем Боб Дилан, Джоан Бааз, многие другие известные авторы и исполнители, в том числе и его сын Арло Гатри. В начале этого года за заслуги в развитии современной популярной музыки имя Вуди Гатри было внесено в символический «Зал славы рок-н-ролла». На торжественной церемонии творчество Вуди Гатри представлял Пит Сигер. — Прим. ред.



знакомился с собирателями фольклора, он ни разу не слышал выражение «народная музыка». Они сказали ему: «Вуди, ты же настоящий фолкник!» Он удивился: «Неужели?» Однажды он написал статью для какого-то журнала и назвал ее «Ушастая музыка»: «Я вовсе не имею в виду, что вы должны перебирать струны вашей гитары ушами, — писал Гатри, — просто вы узнаете музыку, слушая ее, а другие люди узнают ее, слушая вас». Это, на мой взгляд, самое точное определение народной музыки.

О том, что можно писать песни настроения — веселые, грустные, смешные, выжимающие слезу, — я узнал именно от Вуди.

— Как вы относитесь к мысли, что на самом деле существуют только два вида музыки: классическая, которую пишут профессиональные композиторы, и народная, создаваемая, естественно, народом?

— Раньше вообще была только одна музыка. Когда наши предки жили племенами, охотились на диких животных, собирали коренья и ягоды, все мужчины пели одни и те же охотничьи песни, а женщины — одни и те же колыбельные. Потом какие-то умники придумали земледелие, и появилось классовое общество. Богатые люди могли позволить себе нанимать музыкантов, которые сочиняли музыку специально для них, и это стало началом профессионального музицирования и сочинительства. Но бедняки продолжали творить собственную музыку.

Возникновение и расцвет городов привели к появлению третьего вида музыки: некоторые сообразили, что можно неплохо зарабатывать на создании музыки и исполнении ее в людных местах — эта новая музыка стала более сложной, чем незатейливые «деревенские» песни. Такие авторы обычно использовали хорошую мелодию из на-

родной песни или же заимствовали идею у придворных музыкантов и по-своему аранжировали ее. То есть поп-музыка — или назовите ее популярной музыкой — появилась сотни лет назад, как промежуточное звено между народной музыкой и классической. Конечно же, она подвержена моде, очень изменчива — она меняется даже в зависимости от времени года, но при этом продолжает оставаться музыкой столь же достойной, как и обе ее соседки.

— Вы как-то сказали, что журналу «Пой!» надо было бы сменить свою «шапку»: по-вашему, вместо «журнала народной музыки» на обложке следовало бы обозначить «журнал самодельной музыки». Почему?

— Мне кажется, что так было бы точнее, поскольку в этом журнале пишут о той музыке, которую люди создают, а не о той, которую они слушают. Мне кажется, наш мир недолго протянет, если люди не поймут одну простую истину: какое же удовольствие кое-что делать самостоятельно!

Музыка — это то самое «кое-что», которое может делать любой. Совсем необязательно родиться с хорошим голосом. Самые лучшие в мире фолкники сформированы своими родителями, бабушками и дедушками, которые пели им свои колыбельные.

Я бы хотел убедить людей попробовать самим создавать музыку. Ваш репертуар вовсе не должен быть огромным: достаточно петь песни, которые вам нравятся. С годами они будут звучать все лучше и лучше. Похоже на стряпню: одно и то же блюдо по мере приобретения опыта получается у хозяйки вкуснее и вкуснее. Большинство моих знакомых фолкников не могут похвастаться сколь-нибудь впечатляющим репертуаром, но те песни, которые они исполняют, прошли испытание временем и звучат безукоризненно.

— Что вы имеете в виду, когда говорите «наш мир недолго протянет, если люди не научатся делать кое-что самостоятельно»?

— Мы живем сейчас значительно комфортабельнее, чем наши предки, которые были вынуждены бороться с холодом, жарой, голодом. Но я не думаю, что мы счастливее их. Вы читали сообщения антропологов, в которых говорится об очередном племени, обнаруженном где-то в Австралии или в пойме Амазонки? Выясняется, что люди этого племени живут в первобытных условиях, однако они веселы, приветливы, доброжелательны.

Мне кажется, что в своей обеспеченности удобствами мы забыли, что такое радость жизни. Мы живем в эпоху дифференциации производства, его специализации — мы сами приспособили наш век к максимальной производительности труда, но не к счастью.

— Когда я прихожу на ваши концерты, я вижу, как зрители подпевают вам — все, от пятилетних детишек до девяностолетних стариков. Но делают они это только вместе с вами, то есть на концерте; за пределами зрительного зала или стадиона песни прекращаются. Рабочие газеты «Чикаго трибюн» бастовали несколько месяцев, и, когда бы я ни проходил мимо их пикетов, они стояли торжественно и чинно, молча. Почему они не поют, раньше же ни одна забастовка не обходилась без песен?!

— Может быть, люди определенных профессий, представители определенных профсоюзов поют меньше, чем другие? Выходцы из Африки и Латинской Америки, например, твердо убеждены, что песня — это неотъемлемая часть жизни. Я знаю точно, что профсоюзы, в которых много темнокожих людей, славятся своим пристрастием к песне.

Несколько лет назад была забастовка служащих Йельского университета, бастовали около двух тысяч лаборантов и клерков, большинство из них молодые женщины. Они придумывали новые слова к популярным народным и рок-песням, и их пикеты были настолько музыкальными, что об этом говорил весь город. Их боевой дух держался на очень хорошем уровне, и они победили в этой забастовке — мне кажется, что одной из причин победы стали песни. Генерал Джон Льюис как-то сказал: «Поющая армия — побеждающая армия».

— Вам не кажется, что сейчас люди поют меньше, чем прежде?

— Да, мы незаметно приучили себя быть только зрителями. И основная причина — телевидение, но корни зла уходят в систему образования: поощряется молчание и беспрекословное послушание.

— Как получилось, что вы пришли к идее борьбы за сохранение окружающей среды?

— Я всю жизнь много читал и где-то в начале 60-х наткнулся на книгу Рейчел Карсон «Безмолвная весна». На мой

взгляд, эта писательница — довольно своеобразный интернационалист. Она считает, что до тех пор, пока не появятся международные законы по охране среды, мы будем терять воздух, воду, почву — наш мир. По ее словам, нынешнее поколение крадет все это у будущего, сознательно обрекая потомков на самый страшный вид банкротства, банкротство жизни.

Я пришел к выводу, что она права. Я систематизировал свое чтение и понял, что большинство профсоюзов, социально активных лидеров не уделяют должного внимания вопросу окружающей среды. Беда в том, что лидер любой организации обязан фокусировать внимание на очень узких, специфических проблемах. Например, президент автомобильной корпорации практически полностью сосредоточен на производстве машин, и его совершенно не волнует железнодорожный транспорт или велосипеды и пароходы. Аналогично: глава профсоюза в первую очередь старается пробить высокие заработки для членов своего профсоюза, а, так сказать, качество воздуха, которым дышат те, кто входит в профсоюз, его практически не интересует.

Такое положение дел я считаю неправильным: еще один случай «сверхспециализации» нашей современной жизни.

— Но в отличие от большинства «зеленых» вы не пацифист?

— Я не пацифист в традиционном смысле этого слова, хотя порой мои мысли приобретают весьма пацифистский характер.

Пару лет назад я выступал перед арабскими слушателями и впервые попытался исполнить песню на арабском языке. На том концерте я сказал, что лучше искалечить иностранный язык, чем людей, которые на нем говорят. Позже пресса интерпретировала эту фразу как намек на насилие, которое творит правительство Израиля на оккупированных территориях. Имел ли я это в виду, когда стоял перед микрофоном? Отрицать не буду.

Недавно мне пришла в голову мысль, что любое правительство любой страны так или иначе ассоциируется с уничтожением людей. Ни одна война или революция не бывает без жертв, но всегда ли они вынужденные? Я очень в этом сомневаюсь.

— А что вы думаете по поводу теории о неизбежности насилия?

— Неизбежно оно или нет — спорный вопрос, и подниматься он будет еще не раз. Я знаю, что Эрнесто Карденаль (один из министров в правительстве Никарагуа. — Пер.) долгое время был сторонником пацифизма: он убеждал всех, что, если следовать заветам Христа и подставлять для ударов щеки, это поможет избавиться от Сомосы. В конце концов он понял, что заблуждается, и примкнул к партизанам. Вероятно, я на его месте поступил бы точно так же.

По-моему, это лицемерие — заявлять людям, жившим под диктатурой

Сомосы почти пятьдесят лет, что они не имеют морального права братья за оружие. А как можно призывать жителей ЮАР отказываться от вооруженной борьбы? По меньшей мере это глупо. Мы же совсем не знаем условий их жизни, кроме того, мы не прошли сквозь испытания, выпавшие на их долю.

Но оружие таит в себе большую опасность: допустим, вы начали его использовать, а когда остановиться? Появляются соблазнительные аргументы типа: «Что ж, я решил эту проблему с помощью пистолета, почему бы мне не решить таким же образом и другую?»

— Расскажите немного о программе «Клиэруотер»: вы так активно в ней участвуете, потому что убеждены, что самое главное — это защита окружающей среды?

— Нет. Самое главное — это люди, живущие с вами рядом, близкие вам географически и духовно. Если кто-то спрашивает меня: «Я хочу изменить мир, куда мне для этого надо идти?», я отвечаю: «Оставайся на месте, никуда идти не надо — начинай прямо отсюда».

— Но кто же будет заниматься глобальными проблемами, такими, например, как гонка вооружений?

— Этой проблемой занимается много людей, в том числе и профессиональные дипломаты. Но, кстати, когда дипломат-профессионал «отработал» свое в рамках национальной или международной программы, почему бы ему, с его опытом, не принять участие в небольших местных мероприятиях, хоть частично посвятить себя заботам родного города, района, улицы?

— Каковы реальные достижения «Клиэруотер»?

— Мы занимались параллельно несколькими вопросами, но главная цель, по-моему, достигнута: нам удалось внедрить в общественное сознание мысль о том, что река Гудзон должна быть сохранена, защищена. Очень помог наш шлюп, этот 100-футовый красавец. Он снует по Гудзону, перевозит десятки тысяч туристов — мы организуем специальные экскурсии по реке, и все участники их непременно становятся нашими сторонниками.

— И все-таки каковы реальные результаты, например, удалось ли хоть немного очистить реку?

— «Клиэруотер» — одна из многочисленных организаций, выступающих за пересмотр законов о чистоте рек. Чего мы добились? Хотя бы того, что сейчас в средней части Гудзона можно безбоязненно купаться — примерно в течение следующих пяти лет можно гарантировать безопасный уровень загрязнения в районе Нью-Йорка. Это очень конкретная победа: вспомните, большая часть берегов Гудзона была практически закрыта для купания на протяжении почти пятидесяти лет.

— А какова сейчас степень вашего участия в программе?

— Я самый рядовой член организации. Жена и я помогаем в подготов-

ке фестивалей «Возрождение реки Гудзон», они проводятся каждый июнь, а в течение года работаем с группой поддержки, которая называется «Береговая кают-компания».

Мне кажется, нам удалось открыть новый способ, позволяющий увеличивать число наших сторонников. Никто не хочет собираться на скучные конференции, и моя жена предложила: «Давайте обойдемся без этого слова, конференция,— пусть это будет дружеский обед». Такие встречи и проходят у нас как праздничный банкет, мы действительно обедаем, шутим. Примерно в половине восьмого вечера появляются музыканты, они исполняют несколько песен, после чего встает председатель, достает лист бумаги с длинным перечнем мероприятий и зачитывает вопросы для обсуждения. На каждый мы тратим не более двух-трех минут — если речь идет о чем-то действительно феноменально важном, время можно увеличить, но не более чем до десяти минут: к чему нудная говорильня, когда и так все всем понятно?! Поэтому за один час мы успеваем рассмотреть от пятнадцати до двадцати вопросов. После этого снова выходят музыканты.

Казалось бы, мелочь, да? Но она позволила создать весьма солидный фонд в защиту реки, почти миллион долларов. Каким образом? За счет фестивалей — в течение года мы организуем их несколько: рыбный фестиваль в мае, земляничный в июне, кукурузный в августе, тыквенный в октябре (такие фестивали — традиция для американцев, они приурочены либо к сбору урожая определенной культуры, либо к началу сезона рыболовства или охоты.— Пер.).

Мы хотим показать людям, что они могут получать удовольствие от одного лишь факта собственного участия в программе. Что может быть прекраснее общения с природой? И мы делаем на это ставку.

— А как насчет вашей музыкальной карьеры?

— Честно говоря, я потихоньку теряю голос. Он никогда не был таким уж впечатляющим, а сейчас я просто сиплю. Да и сил для гастролей осталось маловато.

— Ваша жена говорит, что такие явления вы делаете уже сорок лет.

— Видите ли, я начал выступать в 1938 году, после того как меня выставили из колледжа. Потом я все же его закончил, но найти работу по специальности не сумел — я журналист по образованию. Моя тетушка преподавала в школе, она предложила мне вести что-то вроде уроков пения для старшеклассников, за каждый такой урок я получал 5 долларов. Я начал выступать и на сцене, но только через десять лет у меня появилось какое-то подобие денег и я смог на лето вывозить семью к морю.

Потом доходы выросли, причем настолько, что я почувствовал некоторое

на стр. 31 ▶

В последнее время в нашей прессе все чаще появляются статьи и заметки, авторы которых — писатели, филологи, журналисты — пытаются анализировать всевозможные аспекты рок-музыки, в том числе и ее воздействие на психику слушателей. Как правило, результатом таких анализов становится категорический вывод о том, что воздействие это негативно сказывается на формировании личности молодого человека и даже ведет к расстройствам психики.

В ответ на эти публикации в редакцию «Ровесника» поступают письма от читателей, которые вполне естественно обеспокоены своей дальнейшей судьбой: во-первых, они поклонники рок-музыки, а во-вторых, находятся в том самом «опасном» возрасте, когда — как утверждают авторы публикаций — возможна необратимая деформация личности.

Чтобы внести ясность в этот вопрос, мы обратились к специалистам из Всесоюзного центра психического здоровья Академии медицинских наук СССР, кандидатам медицинских наук А. Н. БОГДАНУ и П. В. МОРОЗОВУ.

ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОК-МУЗЫКИ

Оставляя в стороне культурологические, социологические и искусствоведческие вопросы рока, остановимся на сугубо психиатрическом понимании этого явления.

Прежде всего следует отметить, что проблема рок-музыки не освещается в специальной психиатрической литературе как в нашей стране, так и за рубежом. То же самое можно сказать о нашем эмпирическом опыте и повседневной практике. Это свидетельствует о том, что увлечение рок-музыкой не представляет предмета патологии и соответственно лечения в области психиатрии.

С точки зрения психиатрии рок-музыка может лишь рассматриваться в свете учения о закономерностях психического созревания человека. Известно, что в жизни каждого индивида имеются так называемые кризовые периоды, в течение которых происходит как бы видоизменение интеллектуальной и духовной структуры личности. Эти кризы падают на определенные возрастные интервалы как в детстве, так и в юности и даже в старости. Однако наиболее выраженным и значительным является кризовый период юношеского возраста, продолжающегося, по современным данным, от 15 до 25 лет, когда происходит становление человека как личности, его мировоззрения. При этом наблюдается завершение формирования самосознания, появление рефлексии, поиск своего места в жизни. Упомянутому возрасту также свойственны стойкие и глубокие увлечения самого различного характера.

Здесь и особые системы физического воспитания, спорт, философия, техническое конструирование, интерес к различным областям искусства, в том числе к музыке, в частности — року. Последний носит все внешние атрибуты сложного переходного периода: оппозиция к традициям взрослых, склонность к преднамеренному шокированию, вызов сложившимся устоям эстрады. Вместе с тем по своей сущности рок содержит в себе неординарное творческое начало, а за некоторым максимализмом, резкостью и отрицанием привычного кроется честность в общении с аудиторией, борьба с укоренившимися штампами.

Что же касается патологии, то естественно, что крайние отклонения как в исполнении, так и в восприятии рока могут свидетельствовать о некоторых особенностях склада характера данного индивида — автора или слушателя. Однако музыка в этих случаях является одним из многочисленных вариантов формы проявления особенностей психики. Вместо рока с таким же успехом могут выступать и выступают уже перечисленные ранее увлечения философией, спортом, техникой и т. д. Поэтому какие-либо прямые взаимосвязи между психическими заболеваниями и увлечением молодежной музыкой неправомерны. В частности, вопросы типа «Обуславливает ли рок развитие психопатологических расстройств, или предпочтение этой музыки присуще только аномальным личностям?» глубоко антинаучны и надуманны.

ВETERАН

ХАРД-РОКА



поклонялся «королям» — Чаку Берри и Элвису Пресли, но в отличие от многих не ограничился лишь поклонением, а, набравшись смелости, пытался подражать. Шел 1957 год.

Самая первая группа именовалась шикарно: «Король Лас-Вегаса» (почему Лас-Вегаса?), подмостками служила школьная сцена, а репетиционной базой — подвал. Поскольку «Королям» грозила широкая известность в узком кругу поклонников, их идейный вдохновитель Рональд Джеймс Падавона решил взять псевдоним: Ронни Джеймс Дио. Это было короче, хотя, конечно, не без претензий. Но зато как звучало! Бог!

Вскоре «Короли» решили изменить название на нечто более соответствующее музыке группы — и появились «Ронни и Громыхалы», а в 1958 году им удалось записать свой первый сингл.

Удивительно, но в то время будущий знаменитый рок-певец даже и не помышлял о том, чтобы петь: он играл на бас-гитаре и только изредка подпевал вокалисту группы Билли Ди Волфу; гитаристом был Ник Пэнтс, барабанщиком Том Роджерс. Иногда музыканты прибегали к услугам саксофониста Джека Мускула. В таком составе они выступали до 1961 года.

Однако поклонникам не нравилось звучание саксофона Мускула, а вслед за ним покинул группу и Волф: после выхода сорокапятки он получил предложения от различных фирм грамзаписи и решил, что нашел более короткий путь к успеху.

К оставшимся присоединился гитарист Дик Боттофф, и группа стала называться «Ронни Дио и пророки». К тому времени Рональд Джеймс Падавона уже стал безоговорочным лидером: он писал музыку и тексты, тогда уже начал «прорезаться» его необыкновенный голос.

«Пророки» играли до осени 1967 года. Такой срок — шесть лет — стал своего рода рекордом для Дио: ни до того, ни после он не выступал с одним и тем же составом так долго. «Пророки» записали семь синглов и выпустили альбом «Дио в маскарадных костюмах». Затем снова смена состава, снова череда названий — но «Эльф» (так в результате называлась группа) оказался менее удачливым.

Но вот в январе 1972 года в США приехали «Дип перпл», тогда они были в апогее своей славы. В один из вечеров Роджер Гловер и Иэн Пейс решили скоротать свободное от концертов время в каком-нибудь уютном местечке Нью-Йорка. Надев для неузнаваемости темные очки, друзья направились в ближайший бар. Как раз в тот вечер местную публику веселил «Эльф». Выступление «Эльфа», а точнее говоря, пение Дио в буквальном смысле слова ошеломило заокеанских знаменитостей. Такого им слышать не доводилось, хотя у них было с кем сравнивать: вместе с ними сияла звезда первой величины — Иэн Гиллан... Познакомились. Дио во все глаза смотрел на звезд, прекрасно понимая, какое космическое расстояние отделяет его от них. А когда звезды выразили готовность помочь ему сделать свой альбом на именитой фирме, он вообще лишился дара речи.

Гловер и Пейс сдержали обещание. В апреле 1972 года, после того как закончилось второе турне «Дип перпл» по Америке, они вместе с Ронни отправились в Атланту, штат Джорджия, и помогли Дио и его группе записать альбом под названием «Эльф». Эта пластинка была встречена на ура и критиками, и слушателями. Через год Дио заключил

Ветераном его называют справедливо: 46 лет, из них на сцене работает — тридцать. В принципе в таком «долгожительстве» ничего удивительного нет: это поначалу, на заре рок-музыки, она считалась уделом юных, просто тогда ее создатели сами были еще мальчишками, чем невероятно кичились, в моде были разговоры о «молодежном бунте», песня «Мое поколение» и отчаянно-горделивые слова: «Я надеюсь, что не доживу до тридцати». К счастью, для многих надежда не сбылась, правда, молодость как профессия — совершенно естественно — не состоялась, зато состоялась как профессия рок-музыки.

Те, кому сейчас за сорок и кто по-прежнему в этой музыке, — великолепный набор профессионалов. У многих из них стабильная «армия» поклонников — стабильная и по возрасту: ровесники музыкантов. Более юных привлекает, конечно, мастерство профессионалов, но частенько разочаровывают тексты: в конце концов, проблемы и настроения сегодняшних шестнадцатилетних отличаются от проблем и настроений тех, кому шестнадцать было двадцать-тридцать лет назад.

И все же есть среди ветеранов те, чьим творчеством восхищаются все новые и новые поколения юных. Один из них — Ронни Джеймс Дио.

Рональд Джеймс Падавона (Дио, то есть по-итальянски — «Богом», он станет гораздо позже) родился 10 июля 1942 года в городке Портсмут, что на северо-восточном побережье Соединенных Штатов. Как явствует из даты рождения, в середине пятидесятых — во время появления рок-н-ролла — Рональд Джеймс Падавона был тем самым типичным подростком из «белой американской семьи с достатком ниже среднего», для которого и возник рок-н-ролл. Его волна захватила юного Падавону. Он беззаветно

контракты с американской фирмой Эм-джи-эм и английской «Перпл рекордс» на запись и последующее распространение своих пластинок. А еще через год «Эльф» прибыл в Англию, где музыканты приступили к работе над своим вторым альбомом «Каролина — графиня бала». Продюсером вновь был Роджер Гловер. Потом «Эльф» выступал вместе с «Дип перпл» в США, «подогревая» публику перед концертами лидеров хард-рока, а затем «Дип перпл» помог «Элфу» записать третий альбом.

Вот здесь, дорогой читатель, нам самое время отвлечься от истории Ронни Джеймса Дио, потому что, если бы не было встречи с «Дип перпл», может, никакой истории и не было бы. Все вы, наверное, слышали о страшной конкуренции в мире шоу-бизнеса, причем рассказы о ней порой имеют криминальный характер. Да, бывает. Но: Билли Престон стал широко известным благодаря «Битлз» — они «вытащили» его. Имя Джон Пол Джонс из будущего «Лед зеппелин» впервые появилось на пластинках «Роллинг стоунз», в свою очередь, уже став маститыми, «Лед зеппелин» совершенно бескорыстно предоставили свою студию тогда еще малоизвестной группе «Бэд компани». Знаменитый гитарист Роберт Фрипп занимался с гитаристом группы «Блонди» — кстати, музыка «Блонди» совершенно «не в ключе» Фриппа. Джон Маклафлин, Фрэнк Заппа буквально рыскают по заштатным группам в поисках молодых талантов — не к своей, а к их, этих талантов, славе.

Какие этому могут быть объяснения — не знаем. Можно лишь предположить: до сего дня рок-музыке приходится держать круговую оборону против различного рода нападков, чаще — справа. Потому и рок-музыканты, наверное, заинтересованы в том, чтобы «своих» было больше?

Но вернемся к истории Дио. Весной 1975 года произошло событие, всколыхнувшее не такой уж малый мир рок-музыки, — из «Дип перпл» ушел Ричи Блэкмор. Ушел, чтобы организовать собственную группу, и в качестве вокалиста пригласил Ронни Джеймса Дио (к тому времени и «Эльф» был на грани распада). Блэкмор давно приметил Дио — его голос, сочетавший атакующую мощь и глубоко лиричное, даже нежное звучание, мог выразить все — радость и отчаяние, пафос и скорбь, и, что самое главное, он был так убедителен, что сразу же находил отклик в сердцах тех, кто его слушал. И вот на начавшем было темнеть небосклоне рок-музыки появилась «Радуга» («Рэйнбоу») Ричи Блэкмора и, добавим, Ронни Джеймса Дио.

В 1975 году вышел их первый совместный альбом. Выдержан он, как и все последующие альбомы «Рэйнбоу», в традиционном «дипперпловском» стиле, а голос Дио стал его украшением. В этом же году произошли первые изменения в составе, и «Радуга» засияла в полную силу: теперь, кроме Ричи Блэкмора и Ронни Джеймса Дио, в группу входили бас-гитарист Джимми Бэйн, клавишник Тони Кэри и отменный ударник Кози Пауэлл. Вместе с «Рэйнбоу» Дио работал четыре года. За это время менялся состав, но вокал Дио был неизменным украшением «Восходящей радуги» (1976 год), концертного диска «На сцене» (1977 год) и альбома «Да здравствует рок-н-ролл!» (1978 год). Имя Ронни Джеймса Дио гремело на весь мир, но вот наступил 79-й — и Дио уходит из «Рэйнбоу». Причин тому было много, но, видимо, основная: Дио почувствовал, что он уже сам может писать музыку и записывать собст-

венные альбомы. В «Радуге» таких возможностей у него не было: бесспорным лидером был Ричи Блэкмор.

Как оказалось, в то время не один только Дио мучительно искал самого себя. Тогда же терзался Оззи Осборн, творец «Блэк сэббет». И ему хотелось чего-то такого, что уже не вменялось в рамки его прежней группы. Поклонники полагали, что «Блэк сэббет» уже не подняться, но в самый критический момент перед «Блэк сэббет» возник Дио со своей кипучей энергией, оптимизмом и талантом. Музыканты приступили к работе, результатом которой стал альбом «Рай и ад», выпущенный в 1980 году.

Дио: «Все песни написали мы с Тони Йомми, а продюсер Мартин Берч сделал их звучание «металлическим» и вместе с тем мелодичным... Нам также удалось сохранить дух группы». В 1982 году был записан второй и последний совместный альбом Дио и «Блэк сэббет» «Законы толпы»; как и первый, он был выдержан в строгом «металло-лирическом» стиле. И все же Дио уходит и из «Блэк сэббет», чтобы наконец стать «Дио и только Дио, то есть делать все самостоятельно — от музыки до продюсирования», — говорил он позже. Он пригласил бас-гитариста и клавишника Джимми Бэйна (игравшего некогда в «Рэйнбоу»), гитариста Вивиана Кэмпбелла и барабанщика Винни Эпписа. «Публика ожидала появления такой группы, — говорил Дио после успеха их первой пластинки «Святой нырятьщик» (1983 год). — Старые поклонники остались верными мне, они знали, что я не предаю свою музыку — интеллигентный хард-рок с лирическими текстами и мелодиями».

Музыканты группы строили для Дио ту «трапецию», на которой его голос мог выделять самые головокружительные пируэты. Это был сплав «тяжелого металла», хард-рока и необыкновенного лиризма, смягчавшего в целом жесткое и порой даже резкое звучание. И голос Дио открыто демонстрировал всю свою силу. Наградой стало всеобщее признание: в 1983 году по итогам хит-парада американского журнала «Биллборд» Дио был назван лучшим рок-певцом года, а западногерманский «Метал хаммер» назвал его первым вокалистом 1985—1987 годов. Пластинки «Неудачник» (1984 год), «Священное сердце» (1985 год), концерт «Антракт» (1986 год) и, наконец, «Дурной сон» (1987 год, на этой пластинке вместо Кэмпбелла играет гитарист Крэг Голди), созданные ветераном хард-рока, пользовались огромной популярностью прежде всего именно у самых юных слушателей.

Но ведь не только голос, пусть даже и великолепный, тому причиной?

«Мне самому трудно объяснить этот успех, — говорил Дио в интервью «Метал хаммер». — Но, может быть, дело в тематике песен? Сейчас многие поют о временах «средневеково-мистических», рядятся в рыцарские доспехи — на сцене. Но ведь рыцарство — это и уважение к тайне, к женщине, к тайне высокой любви. Тоска по такой высокой любви, по приключениям и подвигам во имя Дамы, мечта о Прекрасной Даме, а не просто подружке, живет в сердце каждого молодого человека. Несмотря на свой возраст и жизненный опыт, я немного грустный, но все же — оптимист, неисправимый романтик, может, слушатели чувствуют это?»

Игорь АЛЧЕЕВ,
Георгий ТЮРИН

со стр. 29 ▼

„САМОДЕЛЬНАЯ МУЗЫКА“ ПИТА СИГЕРА

смущение. Понимаете, я выступаю на концерте, например, вместе с Арло Гатри, и получаю за это столько денег, сколько обычный рабочий зарабатывает за год. В этом есть что-то неприличное. Единственный способ уживаться с самим собой — жить очень скромно, что я и делаю, а большинство моих концертов бесплатные.

А вообще, я очень счастливый музыкант: согласитесь, разве это не счастье петь свои любимые песни для людей,

которые тебе подпевают?! Чего еще желать! Мои дети никогда не голодали, и это тоже счастье, особенно в моей стране. У меня небольшой счет в банке, который позволяет мне иногда быть беспечным и расточительным.

— Что вы считаете самым своим великим достижением?

— Если бы я знал! Иногда я думаю, что мое предназначение состоит в том, чтобы доносить послания таких людей, как Вуди Гатри, другим — мо-

лодежи, новому поколению. Но, как мне кажется, эту задачу я выполнил еще в 60-х. Наверное, пора в отставку, причем пора уже давно.

— Что бы вы еще хотели сказать?

— Пожалуй, лишь то, что я самый обыкновенный музыкант, и относиться ко мне и моим словам нужно соответственно. Ко всему, что я здесь наговорил, надо добавить одну небольшую фразу: «Это всего лишь мое мнение». Перевел с английского В. ЛИПАТОВ

8-167

«Я не помню, какой именно случай стал толчком к созданию этой песни — таких случаев много, тысячи. Воскресенье, «Христов праздник», стал днем трагедий для католического меньшинства Северной Ирландии. Я из Южной Ирландии, я протестант, но не могу спокойно смотреть на ту пропасть, которая разделяет моих братьев-ирландцев из Ольстера. И не могу видеть, как по истерзанным, измученным улицам Белфаста двигаются английские бронетранспортеры», — это слова Эджа, бас-гитариста ирландской группы «Ю-2» [«Ровесник» писал о «Ю-2» в № 10 за 1987 год]. Эдж говорил о песне «Кровавое воскресенье», которая вошла в альбом «Война» 1983 года.

«Сколько же еще мы будем петь эти песни скорби! Битое стекло под ногами детей, тела, распростертые в тупике... Воскресенье, кровавое воскресенье. Сколько потерь, сколько побежденных, но кто же победитель? Линии окопов пролегли в наших сердцах, они разделяют матерей и детей, братьев и сестер. Воскресенье, кровавое воскресенье. Не плачьте, вытрите глаза — нам надо быть вместе в воскресенье, в это воскресенье».

Аранжировка А. Суетина

I can't believe the news today
I can't close my eyes and make it go away
How long, how long must we sing this song?
How long? Tonight we can be as one.
Broken bottles under children's feet
Bodies strewn across a dead end street
But I won't heed the battle call
It puts my back up, puts my back up
Against the wall.

Припев:

Sunday, bloody Sunday
Sunday, bloody Sunday

And the battle's just begun
There's many lost, but tell me who has won?
The trenches dug within our hearts,
And mother's children, brothers, sisters torn apart.

Припев:

How long, how long must we sing this song?
How long? Tonight we can be as one.
Tonight, tonight.

Припев:

Wipe the tears from your eyes,
Wipe your tears away
Wipe your bloodshot eyes

Припев:

And it's true we are immune
When fact is fiction and TV is reality
And today the millions cry
We eat and drink while tomorrow they die
The real battle's just begun
To claim the victory Jesus won
On a Sunday, bloody Sunday,
Sunday, bloody Sunday.



Ровесник 7/88

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

...От этой земли невозможно оторваться, ее не забыть. Читайте очерк Нины Чугуновой «Афганские звезды».

«Владимир, или прерванный полет». Книга Марины Влади о Владимире Высоцком. Часть 1.

«Итак, опять вспышка бреда под названием «Битлз» воссоединяются!» Джордж Харрисон вчера, сегодня, завтра.

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.

CREEDENCE CLEARWATER REVIVAL



ED CARROLL/WAYNE KIMBELL

Американская группа «Криденс клиэруотер ривайвл» (см. «РЭР» в этом номере) блистала в конце 60-х годов, когда простая и наивная поп-музыка начала превращаться в рок. Среди пионеров нового жанра были и «Криденс»: в их музыке появились необычные созвучия, композиции усложнились, а некоторые продолжались по 10 и более минут — такие микросимфонии наиболее полно раскрыва-

ли возможности стиля и впоследствии стали его опознавательным знаком.

«Криденс» распались более 15 лет назад, но их мелодии звучат и сегодня, а имена музыкантов вписаны в историю рока: Стью Кук, Дуг Клиффорд, Джон Фогерти, Том Фогерти (слева по часовой стрелке).